

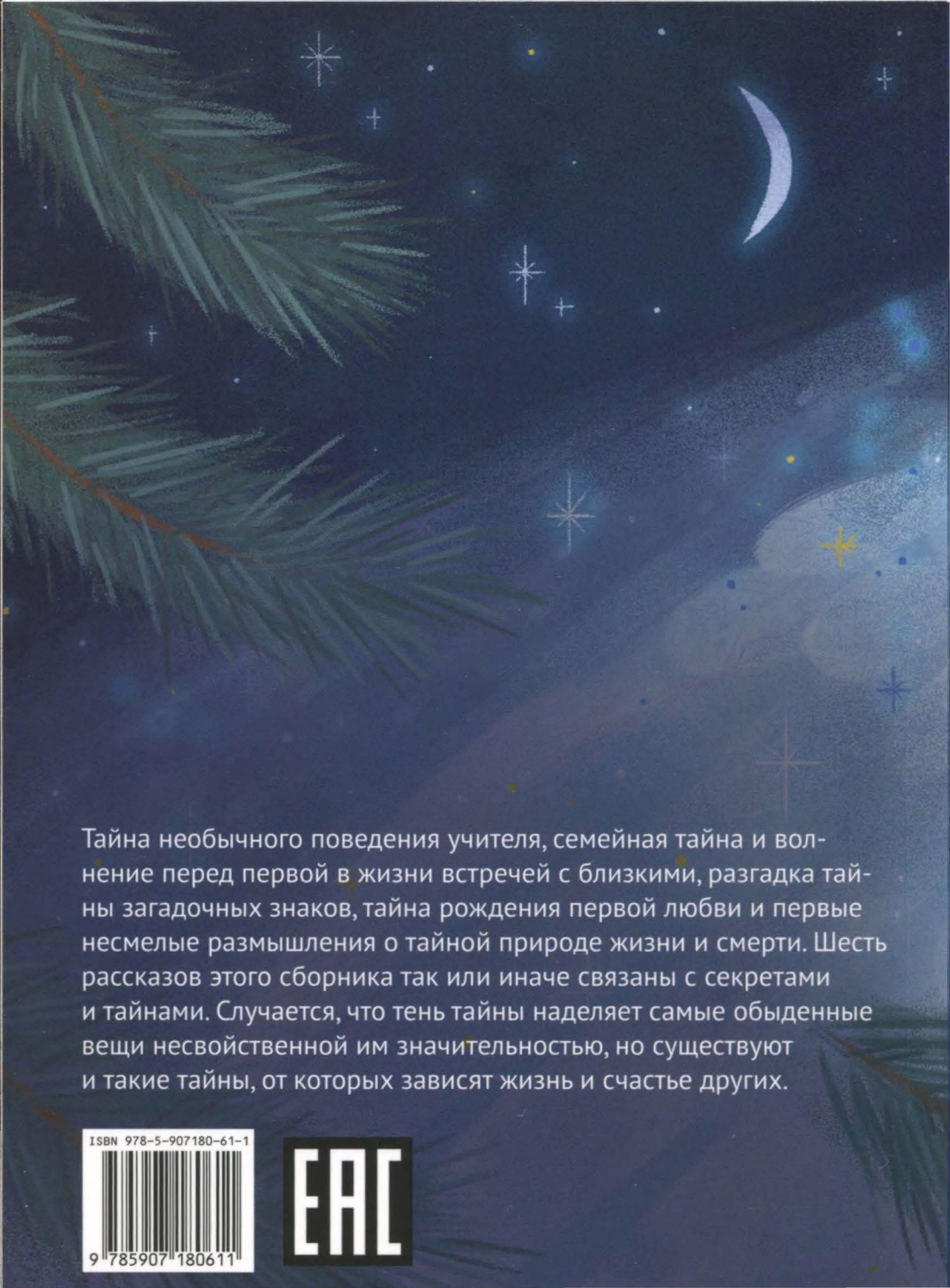

• ВОЛЧОК •

НИКОМУ НЕ РАССКАЗЫВАЙ

~
Рассказы Волчка

Тайна необычного поведения учителя, семейная тайна и волнение перед первой в жизни встречей с близкими, разгадка тайны загадочных знаков, тайна рождения первой любви и первые несмелые размышления о тайной природе жизни и смерти. Шесть рассказов этого сборника так или иначе связаны с секретами и тайнами. Случается, что тень тайны наделяет самые обыденные вещи несвойственной им значительностью, но существуют и такие тайны, от которых зависят жизнь и счастье других.

ISBN 978-5-907180-61-1

9 785907 180611

Рассказы Волчка

НИКОМУ НЕ РАССКАЗЫВАЙ

~

Сборник рассказов

• ВОЛЧОК •

Москва

2021

УДК 821.161.1-32-93
ББК 84(2=411.2)6-47
Н63

Никому не рассказывай: сборник рассказов / [И. С. Богатырева, Н. С. Дашевская, Е. В. Исаева и др.]. — Москва : Волчок, 2021. — 95 с. — (Рассказы Волчка).

ISBN 978-5-907180-61-1

Тайна необычного поведения учителя, семейная тайна и волнение перед первой в жизни встречей с близкими, разгадка тайны загадочных знаков, тайна рождения первой любви и первые несмелые размышления о тайной природе жизни и смерти. Шесть рассказов этого сборника так или иначе связаны с секретами и тайнами.

Тайнам приписывают особенную власть над людьми, они могут сближать или, напротив, разделять нас, у каждого человека свои тайны и особенные отношения с ними. Случается, что тень тайны наделяет самые обыденные вещи несвойственной им значительностью, но существуют и такие тайны, от которых зависят жизнь и счастье других.

«Никому не рассказывай» — восьмой сборник серии «Рассказы Волчка». В него вошли истории Ирины Богатыревой, Нины Дашевской, Екатерины Исаевой, Натальи Ключаревой, Евгении Овчинниковой и Дмитрия Сиротина.

Рекомендуем сборник читателям от 12 лет.

УДК 821.161.1-32-93
ББК 84(2=411.2)6-47

ISBN 978-5-907180-61-1

© Богатырева И. С., 2020
© Дашевская Н. С., 2020
© Исаева Е. В., 2020
© Ключарева Н. Л., 2020
© Овчинникова Е. С., 2020
© Сиротин Д. А., 2020
© Копейкин А. А., 2020
© Мордякова Э. А., иллюстрация
на обложке, леттеринг, 2020
© Составление, изд. оформление,
ООО «Издательство Волчок», 2020

Ирина Богатырева **Никому не рассказывай**
5

Наталья Ключарева **Иван Иванович из Африки**
25

Евгения Овчинникова **Вайя**
31

Дмитрий Сиротин **Кошачий рай**
53

Екатерина Исаева **Триангуки**
67

Нина Дашевская **На буксир**
77

Алексей Копейкин *Об авторах*
90

Ирина Богатырева

НИКОМУ НЕ РАССКАЗЫВАЙ

Лучше бы она мне ничего не рассказывала.

Лучше бы она мне вообще ничего не рассказывала. Я нормально жила раньше, а теперь?

Вообще мы с Лерой не очень-то и дружили. Так, привет-привет. Нет, мне, конечно, всегда хотелось: Лера — она самая в классе нормальная. Такая уверенная, независимая. И не выпендривается. Она просто такая... полноценная, что ли. И поэтому у нее почти весь класс в друзьях. Ну, не весь, но есть круг, они всегда рядом с Лерой, смеются, о чем-то разговаривают, а она среди них просто находится, но сразу видно — это ее круг, а не наоборот.

А я что? Я же не стану навязываться.

Но однажды так получилось, что она меня заметила. Кажется, перемена была, я у окна стояла, а Лера с компанией рядом. А, точно: они обсуждали настройку одну в телефоне, чтобы видео не крутилось по умолчанию, и трафик лишний не шел. А я знала, как это настроить. Дайте, говорю. И сделала.

А Лера посмотрела на меня и сказала:

— Ты что у нас, компьютерный гений?

С насмешкой, конечно, сказала, но как-то необидно. Она умеет так: вроде и подколет, но ты счастлив.

А через неделю она ко мне после уроков подошла.

— Хочешь, тайну открою, — говорит.

Спокойно. Равнодушно даже. И на меня не смотрит. Так, в пустоту. Вроде это ей не надо. Это мне надо.

А у меня аж желудок подвело. И в груди еще похолодело, и даже ладони. Так бывает, когда чувствуешь: вот, сейчас случится что-то важное, пусть и не ясно пока, хорошее или нет, главное — не такое, как всегда. И ты не сможешь этого избежать. Никак не сможешь. Перед соревнованиями, например, у меня всегда так.

Я спросила:

— Какую еще тайну?

Но в горле пересохло, и получилось глухо, как из-под земли.

— Это показывать надо, — сказала Лера все так же равнодушно. — Только смотри, — она наконец перевела глаза на меня, — тут такое дело: от этого жизнь зависит. Если проболтаешься — конец. Поэтому и спрашиваю. Но я же вижу: ты человек надежный.

Я не помню уже, что на это ответила. Может, и ничего. Потому что было совершенно понятно: то, что

должно случиться, вот-вот произойдет. Выбора у меня не было.

Потом я думала: а что, если бы это сказал кто-то другой, не Лера? Или если бы я не хотела с ней общаться, не следила за каждым ее движением, не слушала ее голос на переменах, как будто в нем самом было что-то необыкновенное, отличающее Леру от остальных? Если бы мне не хотелось самой хоть капельку ее уверенности, спокойствия, ее равнодушия к чужому мнению. В общем, если бы не она?

Да я бы посмеялась и ушла.

И всё.

И ничего бы сейчас не было.

Это было после уроков. Мы с Лерой быстро оделись и ушли из школы так, чтобы никто за нами не увязался, — Лера специально за этим следила, несколько раз по дороге оборачивалась, как будто и правда за нами кто-то мог пойти. Со стороны это, наверное, выглядело подозрительно, но в тот момент я не думала, как мы выглядим со стороны. Я вообще ни о чем не думала, меня дрожь охватила. Я даже до рогу замечать не сразу стала.

А шли мы в сквер. Это не очень от школы далеко, и я это место прекрасно знала: там всегда безлюдно, даже в выходные и праздники. А как иначе?

Сквер при университете. Главное здание в глубине, а проспект, где остановка, магазины и вообще вся жизнь, в стороне. А тут ничего нет — просто деревья, большие, старые, ряд фонарей и три лавки. Всё.

Вот туда мы и пришли.

Точнее, я не сразу поняла, что туда. Я думала, мы дальше пойдем, просто здесь короче к центру срезать. Но Лера вдруг пошла медленнее и стала всматриваться в деревья. Как будто что-то искала. Потом и вовсе остановилась. Закинула голову и стала смотреть вверх, на большую старую ель.

Вскинула руку и говорит:

— Смотри.

Я и так уже смотрела, но ничего не видела. Елка как елка. Высокая. Так в сквере все такие: большие, разлапистые, под ними даже снег не ложится — не долетает. Желтая подстилка хвои вокруг. Нижние ветки почти касаются земли.

— Ты не туда смотри. Вон, наверху. Видишь, у ствола.

Лера приблизилась и заговорила мне в ухо шепотом. У меня от ее голоса мурашки побежали, и я совсем ничего уже не видела. Но глядела, глядела — и вдруг как заору:

— Сова! Лера, там же сова!

— Тихо ты, не вопи! — Лера замахала на меня руками, но по тому, как она заулыбалась, я поняла: мы именно за этим сюда и пришли, именно эту тайну она мне и хотела открыть.

Меня окатило признательностью и счастьем, как будто мне подарили что-то невероятно ценное. И я снова стала смотреть.

Сова была небольшая и сидела на ветке близко к стволу, почти к нему прижавшись, прямая как столбик. Она была бурая, с черными крапинками. На голове — уши. Лапы мощные и пушистые, крепкие когти вцепились в ветку.

И тут она открыла глаза и посмотрела прямо на меня, сверху вниз. Я вздрогнула. Я не ожидала таких глаз. То есть я вообще не ожидала, что она на меня посмотрит, а тем более такими глазами. Круглыми, совершенно не человеческими, но и не птичьими. Не похожими ни на что. Спокойные, внимательные, но не равнодушные — они оценивали нас, нашу опасность.

И, убедившись, что мы ничем ей не угрожаем, сова закрыла глаза.

Я выдохнула.

— Клевая, да? — услышала Лерин шепот.

— Ага. Спасибо.

Вдруг во мне плеснулась тревога.

— А почему жизнь зависит?

— Что? — не поняла Лера.

— Ты сказала, что от этой тайны зависит жизнь.

— Конечно. Никому говорить нельзя. Совы — ужасно редкие. Они не живут обычно в городах. Это просто чудо. И если о ней кто-то узнает, обязательно что-нибудь произойдет.

— В смысле?

— В прямом. Сову нельзя тревожить. А если люди узнают, ее станут фотать, станут ей мешать. Еще кто-нибудь попытается поймать.

— Зачем?

— За деньги показывать. Видела, стоят такие люди в центре, с енотами, там, с обезьянами? И с птицами тоже иногда, обычно хищными. Они их мучают, птицы быстро умирают.

— Почему? — Во мне все сжималось, как от боли, от каждого ее слова.

Но Лера только пожала плечами. Видно было, что она давно привыкла к этому тяжелому знанию.

— Они их кормят неправильно. Они им мясо дают, а совам мясо нельзя, только мышей.

— Откуда ты все это знаешь? — не выдержала я. Мне хотелось как-то защититься. Вдруг она врет? Вдруг выдумывает, и всё на самом деле не так!

Но Лера сказала спокойно:

— У меня папа — орнитолог. Он мне ее и показал. Только никому, поняла! Я тебе рассказала, потому что ты человек надежный. И животных любишь, я же знаю. Поэтому я тебе только, а ты — ни-ни!

Я закивала головой. У меня уже перехватило горло, я просто не могла больше ничего сказать. Я чувствовала и гордость, и счастье, и благодарность, и холодящий страх. Меня разрывало от всего этого.

Сова сидела наверху с закрытыми глазами.

— Лера, — сказала я, когда меня немного отпустило.

— Чего?

— А можно ее сфотографировать? Один разок. На память.

— Можно, — разрешила Лера. — Только без вспышки. И не выкладывай никуда. И лучше никому не показывай.

— Я не буду, честное слово! Ни за что.

У меня тряслись руки, пока я фотографировала.

— А теперь пойдём, — сказала Лера. — Не стоит ее тревожить, мы и так уже долго.

Лера не соврала: сова и правда была редкая.

Я, конечно же, полезла сразу в интернет, только мы расстались. Сова называлась ушастая, и она в наших местах гнездится, на зиму не улетает, вот почему

мы ее увидели в феврале. В городах обычно не живет. Раньше жила, писали в статье, но теперь ее вытесняют вороны, которые могут убить даже взрослую птицу. Питается мелкими грызунами и птицами, а от простого мяса может умереть — не сразу, но постепенно. Потом я еще почитала про браконьеров. И про содержание хищных птиц в неволе, но поняла только, что это ужасно трудно. И что этого лучше не делать.

Но главное, что я поняла: Лера ни в чем не соврала. Но от этого мне не стало легче. Наоборот: лучше бы она меня обманула, и все было бы не так страшно. А еще лучше, если бы она мне вообще ничего не рассказывала.

У меня в груди как будто стал надуваться шарик. Держать его в себе было невозможно, хотелось кричать про эту сову, показать фотку в телефоне, повесить ее себе на аватарку, отвести к дереву маму, папу, вообще всех! Но я сидела перед монитором, оттуда смотрела с фотографии такая же сова, только другая, и я чувствовала, как что-то густое окружает меня, наполняет комнату, вот ноги увязли, вот и руки увязли, мне уже по шею, мне трудно дышать. Ответственность, тяжелая, чугунная, навалилась и задавила шарик в груди. Чужая жизнь, уникальная, редкая, зависела теперь от того, умею ли я молчать.

Ну и пусть, что не человеческая. Все равно жизнь. Хрупкая. Настоящая.

Фотка в телефоне получилась так себе. Сова сидела высоко, и сквозь хвою ее сложно было отличить от ствола. Совы, которые попадались в интернете, были похожи, но не такие, само собой. Я-то помнила, какой у нее взгляд — темный, спокойный. И еще мне казалось, в нем была просьба: не рассказывай. Только никому про меня не рассказывай. Сова представлялась мне теперь не только мудрой, не только потусторонней, как о них всегда пишут, но и беззащитной перед всеми опасностями, которые ее окружали.

Мы с Лерой о сове не говорили. Ни на следующий день, ни потом. Мы вообще по-прежнему почти не общались, но в то же время как будто стали ближе. Незаметно для себя я вошла в ее круг. И все это приняли, как будто я всегда тут была. Меня о чем-то спрашивали. У меня консультировались по математике и информатике. Я впервые оказалась в центре внимания. Но удивительно: я ничего в связи с этим не почувствовала. Мне вдруг стало безразлично, что обо мне думают другие, как на меня смотрят, замечают ли вообще. Все это оказалось такой ерундой по сравнению с тем, что я теперь носила в себе и о чем надо было молчать.

Я старалась не думать о сове. Но попробуйте не думать о чем-то! Меня как будто тянуло к ней, я то и дело открывала фотку на телефоне, но даже и без нее перед глазами постоянно возникал ее взгляд. Сова смотрела на меня из своего мира, спокойно, без укора, а я изнывала от страха за нее и от стыда за людей и за собственную слабость.

Я запрещала себе ходить в сквер. Мне казалось, что я выдам ее, если хоть на секунду задержусь под тем деревом, хоть краешком глаза посмотрю туда. Вдруг за мной кто-то следит. Вдруг кто-то уже слышал о сове, только не знает, где она, и сразу все поймет, обо всем догадается. Нет, я не могла такого допустить.

Раньше я в сквере появлялась два раза в неделю, мне на секцию удобно срезать. Теперь же сложно было представить: я два раза в неделю ходила *там*. То есть я четыре раза за неделю проходила мимо *той* ели и ничего не знала, и не подозревала. И была счастлива.

Была счастлива?

Да, теперь я так думала. И злилась на Леру за то, что она мне рассказала. Злилась, мучилась, хотела подойти к ней и сказать: всё, я ничего не знаю, и не надо мне этого, никакой ответственности, никакой тайны! Но потом я ловила ее взгляд, и казалось, что

она одобрительно улыбается. Слегка. Уголками губ. *Ты же надежный человек.* И злость пропадала.

Так постепенно я привыкала к сове. К той, которая теперь жила внутри меня.

Но один раз я все-таки не выдержала: я сходила. Вечером, после тренировки. Я обычно звонила папе, и он меня встречал. Раньше у сквера, потом я его стала просить на остановке на проспекте. Но в тот день я выскочила раньше, папе не позвонила и рванула одна.

Сквер был пустой и мокрый, фонари отсвечивали в талых лужах. Там красивые фонари, как в Нарнии, и вообще сквер очень уютный, и, хотя я там миллион раз была вечерами, в тот раз мне показалось, что это совершенно незнакомое место.

Я бежала бегом и запыхалась, но, когда выскочила на дорожку, пошла тише, унимая дыхание и сердце, считая деревья. У нужного остановилась. Подошла ближе. Стала всматриваться в густую крону.

Я смотрела до рези в глазах, но ничего не видела. Мне стало страшно. Я подошла вплотную, продравшись сквозь ветки, обняла ствол и смотрела вверх, пока не закружилась голова. Дерево показалось мне коридором, уходящим в темноту. Темнота была густая, пахло землей и прелой хвоей. Мне казалось,

будешь смотреть долго, и тебя унесет в этот коридор, затянет, ты растворишься и исчезнешь.

Но совы в конце коридора не было. Там вообще ничего не было. И вокруг ничего. Просто пустой сквер в центре города. Совершенно безжизненный.

В кармане зазвонил телефон. Звонил папа. Он был на остановке. Он меня потерял. Пришлось соврать, что нас задержали, и я скоро буду. Пришлось возвращаться на проспект. Не могла же я сказать, что пошла через сквер. Не могла же рассказать, почему это сделала.

Спала я плохо и все время думала о сове — о том, что с ней могло случиться. Успокаивала себя, что она просто полетела охотиться или сидела себе спокойно на другом дереве. Но мне не помогало. Утром я была невыспавшаяся и раздраженная, в школе ни о чем больше думать не могла. И после уроков рванула в сквер.

Я увидела ее сразу, стоило остановиться у нужного дерева. Она сидела, прислонившись к стволу, и была не такая вытянувшаяся, не такая настороженная, как в первый раз. Глаза закрыты, уши сложены. Она спала.

И я почувствовала, как во мне все расслабилось и стало мягким и добрым. Меня заполнили спокойствие и тишина. Сова спала, у нее все хорошо. Как будто в мир вернулись гармония и простота.

Я простояла там недолго, не больше минуты. Потом в конце сквера кто-то появился, и я сделала вид, что стою тут просто так, сообщение набираю. Сунула телефон в карман и быстро пошла, с самым беспечным видом — просто подросток, просто иду из школы, кто что может подумать?

Я была спокойна. И я знала, что это теперь моя сова. Не Лерина, а моя.

Так прошел месяц, и я к сове совсем привыкла. Я даже начинала забывать о ней, хотя и знала, что это ничего не значит. Она жила своей жизнью, я — своей, но мы все равно были связаны. Это нормально: не обязательно каждый день видеть друг друга, чтобы знать, что ты есть у кого-то, а он — у тебя. Мне было просто хорошо: у меня была своя сова, своя тайна.

Все кончилось в апреле.

Можно я не буду про это рассказывать?

А, хотя какая теперь разница...

Короче, у нас был медосмотр. Это гадость еще та, и вот про нее я точно не буду рассказывать. Тут важно только, что мы были не в школе, а торчали в поликлинике. Только девочки — у парней свой медосмотр. Все шло медленно, мы скролили всякую фигню в сети, просто время убивали, и вдруг кто-то как вскрикнет:

— Ой, да это же у нас!

Совсем не помню, кто это был.

Мы подтянулись и уставились в чужой телефон. Я сначала ничего не видела, мелко, да и головы мешали.

А потом разглядела.

«Ребятки, смотрите, что тут!» — кто-то ржал за кадром высоким смехом, парень какой-то, и ломился сквозь ветки, другой давал ему советы и тоже ржал. Все мелькало, мелькало — а потом в кадре появилась сова. Бурая, настороженная. Ушастая. Она смотрела сверху вниз большими умными глазами.

И я ее узнала. Я даже елку узнала. И вид на сквер, когда камера из веток наконец выбралась.

Но главное — сова. И ее взгляд.

В ролике опять ржали и думали, чем ее спугнуть, чтобы полетела. Предлагали залезть на елку. Спрашивали зрителей, знали ли они, что в нашем городе есть такое. Весь ролик — минута вот такой ерунды. Залито в сеть неделю назад. Тонна комментариев, один другого тупее. Советы, как ее поймать...

Девчонки крутили снова и снова, громко обсуждали. Я выдержала три раза и отошла, села подальше, прислонилась к стене. Мне казалось, у меня все нервы отрезаны. Сначала их накрутили на локоть,

а потом — р-раз! И я вся обвисла, как марионетка после спектакля. Такая же беспомощность. И такое же нежелание жить.

А потом до меня, как сквозь вату, стало доходить, что говорят девчонки. Эти парни, оказывается, в нашей же школе учились, только старше. И вот этот, чей канал, хайпанулся, и теперь весь город будет в сквере, и сове житья не дадут. Потому что парня этого вообще все знают, у него десять тысяч подписчиков.

И еще я кое-что поняла. Что в классе всем было известно про сову. Просто всем.

А Леры в тот день не было. И уже неделю ее в школе не было. Вроде как болела. Девчонки скинули ей ролик, ждали ответа.

А я встала и ушла. Я просто не могла там больше сидеть.

Я бежала со всех ног, как могла, — поликлиника в другой стороне города. В голове мелькали самые ужасные вещи. Толпы людей окружали нашу ель. Какие-нибудь журналисты с камерами. Какие-нибудь браконьеры с сетями. Просто идиоты с палками. И ладно с ними, а если с духовушками — мало ли у кого что есть. И я врываюсь во все это, кричу, из последних сил пытаюсь ее спасти...

Сквер был пуст, как всегда. Я даже перешла на шаг, когда увидела, что там никого. Ни тебе журналистов. Ни охотников. Переводя дыхание, я пошла к нашей ели.

Совы не было тоже.

Я подумала сначала, что это не то дерево. Обошла соседние. Потом вернулась. Проверила еще раз, везде, со всех сторон ствола. Но ее не было. Совсем.

Наконец я вылезла, вся исколотая и грязная. В голове не было ни одной мысли. Хотелось только упасть и так лежать не двигаясь.

Но вместо этого я подняла глаза — и увидела Леру.

Она приближалась со стороны проспекта. Она уже прошла большую часть сквера и была недалеко. Она выглядела встревоженной.

Но тут заметила меня. Остановилась.

И вдруг развернулась и бросилась бежать.

Этого ей не стоило делать. Во мне как будто инстинкт сработал: убегает — догони. А я же все-таки на борьбу хожу. Что мне стоит догнать Леру, тем более больную.

Я нагнала ее в два счета, схватила за плечо. Она закричала. Я не собиралась ее бить, я вообще ей ничего не собиралась делать, но она как-то

неловко вывернулась, мне пришлось ее перехватить — и она вдруг оказалась на земле, у меня под ногами.

— Не трогай меня! Я не виновата, я не хотела!

— Это ты все рассказала! Ты ее предала!

— Я не хотела, не хотела, я не знала, я не... а-а-а-а!

Она вся сжалась, подтянула ноги к груди и голову прикрыла руками. Правильная поза вообще-то. Но я не собиралась ее бить, особенно когда она на земле. У меня даже в мыслях этого не было. Я схватила ее за руку и рывком подняла.

Потом мы сидели на лавке, и я помогала Лере оттереть куртку влажными салфетками. Лера почти не плакала. Она вообще нормальная девчонка, я же говорила.

— Ее давно уже нет.

— Как ролик вышел?

— Не знаю. Я только через день смогла прийти. Но ее уже не было. И больше не возвращалась. Я каждый день прихожу.

— Ясно.

— Что тебе ясно? Что?!

— Ничего. Что ее нет. Вот и ясно.

Мы замолчали. Лера принялась опять тихо плакать, я потянулась к салфеткам, но у меня уже не осталось ни одной.

— Папа меня не простит. Он мне под честное слово ее показал.

— Домой иди. Простудишься еще больше.

Она поднялась. Нам было в разные стороны.

— Можно вопрос? — Она хлюпнула носом.

— Ну.

— А как ты догадалась? Ну, что это я рассказала.

Я усмехнулась. Хотя это было совсем не смешно.

— Чего догадываться-то? Ты же всем в классе сказала.

— Не всем! — Она как будто оскорбилась.

— Ой, ладно, Лер. Парни-то только тебе зачем? Ты же с ними не общалась совсем.

— Ну... Вот поэтому...

Я не поняла. Спрашивать не хотелось. Мы просто разошлись, каждый в свою сторону, и в школе больше не общались. Как раньше.

Можно было бы сказать, что это всё.

Но это не всё.

Недавно Лера позвонила мне вечером, почти ночью, хотя я еще не спала — кто спит накануне экзаменов? По видеосвязи звонила, я это терпеть не могу и думала сбросить — обалдела она, что ли? Полтора месяца прошло, все это время мы не разговаривали, с чего бы вдруг ей звонить?

Но все-таки я ответила.

— Настя! Она нашлась! Наша сова, Настя!

Лера, вся синяя в искажениях от плохого освещения, так и лезла ко мне через телефон.

— Настя, слышишь? Она не погибла, с ней все хорошо! Мне папа сказал, они ее нашли! Она просто перелетела, теперь в другом месте живет...

Меня как будто в грудь ударили.

— Стой! Замолчи! Ничего не говори, стой-стой-стой! — Я зажмурилась и замотала головой. Были бы руки свободны, я бы зажала себе уши. — Только не говори мне, где она! Я не хочу знать, слышишь!

Лера, опешив, смотрела в камеру. А потом лицо у нее стало такое... Оскорбленное, что ли. И она сухо так процедила:

— Не скажу. Я не знаю. Мне папа не показал.

Я почувствовала, как у меня от сердца отлегло.

— Правда? Ну и хорошо.

— Думаешь? — Она криво усмехнулась. — Ладно. Пока.

— Лера, погоди.

— Что?

— Спасибо.

Но она уже отключилась.

А я откинулась на стуле и закрыла глаза.

И попыталась вспомнить ее взгляд. Тот самый, каким она смотрела на меня в первый раз. Единственный раз, которого мне было достаточно. Тот взгляд, за который я ее полюбила. И неважно, что мы больше не увидимся. Главное, что у нее все хорошо.

Иногда этого знания хватает, чтобы быть счастливым.

Наталья Ключарева

~

ИВАН ИВАНЫЧ ИЗ АФРИКИ

Когда я перешла в эту школу, травля была в самом разгаре.

Я не заметила, как он очутился в классе. Двадцать восемь глоток орали так, что закладывало уши. Звонка, разумеется, не было слышно.

И все-таки через некоторое время я за своей последней партой почувствовала что-то неладное. Мои новые одноклассники продолжали самозабвенно вопить, бегать между рядами, скакать по партам и подоконникам.

А за учительским столом сидел печальный седой человечек в шерстяной кофте.

Человечек глядел в стол, горбился и так глубоко засовывал руки в карманы кофты, будто хотел спрятать туда и все остальное тело. Залезть в собственный карман. И отлежаться там, в темной вязаной норе.

Мне почему-то стало трудно дышать.

— Кто это? — спросила я соседку по парте, пучеглазую Оленьку.

Оленька взхлеб пересказывала двум девочкам, сидевшим впереди, какой-то сериал. Меня она услышала только после тычка локтем. Оленька возмущенно взвизгнула и протараторила не оборачиваясь:

— Иваныванычпоалгебре.

Пауз между словами она вообще не делала.

Тут я увидела, что на доске появилось несколько уравнений. Как-то сразу стало понятно, что решать уравнения на уроке алгебры в моем новом классе не принято. Этого не делали, видимо, даже самые последние изгои.

Я открыла тетрадь и стала переписывать иксы и игреки.

На человечка в кофте я не смотрела. Иксы расплывались перед глазами, будто у меня вдруг испортилось зрение, перебирали синими ложноножками, виляли кривыми хвостиками, ухмылялись, дергались и бесились, как мои одноклассники.

Мой саботаж быстро заметили. Вопли стали стихать, уступая место зловещим шепоткам и смешочкам. Я понимала, что нарушаю закон своей новой стаи.

Но продолжала решать.

Почему-то было совсем не страшно.

Но вдруг я почувствовала, что надо мной кто-то стоит. И напряглась в ожидании какой-нибудь

пакости. Подняла глаза и увидела... вязанные карманы.

Иван Иванович развернул к себе мою тетрадку и стал в нее изумленно вглядываться. Увидеть уравнения он, видимо, не ожидал. Несмотря на свое отчаянное путешествие на край класса.

Потом Иван Иванович прошелестел:

— Bien, tres bien...*

Его голос был похож на грязную доску, всю в старых меловых разводах. Такой же засохший и пыльный. Будто им пользовались крайне редко.

— Me comprenez-vous?**

Я кивнула. Школа у нас была с французским языком. Чего же тут не понять.

Иван Иванович вернул мне тетрадь. Мои расплывшиеся синие иксы были окружены частоколом исправлений, а внизу под резкой наклонной чертой стояла аккуратная двойка.

Вокруг заржали. Стиснув зубы, я написала под красной двойкой: «Работа над ошибками» — и стала переписывать уравнения.

Вдруг на тетрадь опустилась гора. Так мне показалось в первую секунду. Но это была не гора, а задница переростка Ваганова.

* Хорошо, очень хорошо (фр.).

** Вы меня понимаете? (фр.)

— Хочешь стать великим математиком? — пробасил он.

Вокруг глаз у Ваганова темнели круги, как у ма-
няка из фильмов. А лицо блестело так, будто ему на
голову вылили бутылку масла.

Сердце у меня заколотилось во всем теле. Дыха-
ние сбилось. Но я заставила себя посмотреть на него.
И ответить:

— Нет. Не хочу.

— А чего же ты хоооооооооооочешь? — протя-
нул Ваганов, закатив глаза, будто пел романс в фи-
лармонии.

Стая зашлась смехом. Но вскоре все замолкли
и уставились на меня в ожидании ответа.

— Я хочу, — проговорила я, еле ворочая деревян-
ным языком, — чтобы ты. Убрал. Свой зад. С моей
тетради. Ясно?

Класс снова заржал. Но уже одобрительно. Вага-
нов озибался в поисках поддержки. И тут прозве-
нул звонок.

— Ладно, живи пока, — разрешил Ваганов.

Шли дни. Серые, как макароны в школьной сто-
ловке. Постепенно со мной стали разговаривать.
Чаще всего Оленька, просто не способная молчать.
Оленька знала все и про всех. Она сообщила мне,

что Иван Иванович несколько лет преподавал в Африке, в одной из бывших французских колоний. Где и набрался *пагубных демократических замашек*, как говорили в учительской.

Иван Иванович никогда не повышал голос, не заставлял, не наказывал, не писал замечаний в дневник. Он считал это проявлением неуважения. Наш седьмой «В» счел это проявлением слабости.

Каждый урок стоя проверяла, как далеко он позволит зайти. А Иван Иванович только все глубже прятал руки в карманы кофты. И они заходили все дальше. Так, что уже самим делалось не по себе. И ждали, когда, ну когда же он наконец наорет.

А Иван Иванович не орал. Иногда у него синели губы. Он вставал и уходил, держась рукой за стену.

Разговаривал он только со мной. И всегда по-французски.

Двойки мои по алгебре сменились тройками, затем четверками. Дальше них мы так и не продвинулись.

Выпал первый снег. Кончилась первая четверть.

После каникул все привычно драли глотки в ожидании алгебры. И вдруг дверь класса отлетела в стену. На пороге стояла совершенно незнакомая, строго одетая женщина.

Она стояла так довольно долго, давая себя рассмотреть. Седьмой «В» сначала перестал орать. Потом — дышать. А она все стояла и молча сверлила нас тяжелым, неподвижным взглядом. Когда она наконец заговорила, это было такое облегчение, что слова могли быть совершенно любыми.

— С сегодняшнего дня, — медленно и веско произнесла она, — на уроках алгебры будет всегда мертвая тишина. Вот как сейчас.

И с того дня на уроках алгебры всегда была мертвая тишина.

Иван Иванович в школе больше не появлялся. Что с ним стало, не знала даже Оленька. Да никто особо и не интересовался. Его постарались поскорей забыть.

А я почему-то верю, что Иван Иванович вернулся в свою Африку. И говорит по-французски с толпой мультяшных негритят, как Бонифаций. А они слушают его раскрыв рты. В какой-нибудь школе из пальмовых листьев.

И вязаная кофта ему больше не нужна. Ведь он наконец-то согрелся.

~
ВАЙЯ

Бир

Самолет трясло, и в желудке плескался выпитый от волнения литр яблочного сока. Первая в жизни посадка. Варя отлепила руки от подлокотников и украдкой вытерла мокрые ладони о джинсы. Соседи не волновались. Пристегивались, допивали напитки и отдавали стаканчики стюардессам.

Отец позвонил неожиданно. Мама говорила с ним на английском, она учитель английского в Варинской школе. Отвечала сдержанно — «да», «нет», «нормально», «спрошу у нее». Отец предлагал пожить в Алании сколько Варя захочет, если мама не против. К турецкой бабушке на лето приезжают внуки. Она живет в доме у моря. И познакомиться наконец пора...

Мама шепотом возмущалась на кухне, думая, что Варя не слышит:

— Появился, когда ребенок уже взрослый! Умный какой!

— Но ты же сама не хотела, — возражала бабушка.

Мама удалила фотографии с отцом, но бабушка хранила одну распечатанную у себя в серванте. Восемнадцатилетние родители под обвитой цветами аркой. Выше — белое здание отеля с синими дельфинами. Фотографировали издалека. Мама — худенькая, волосы обесцвечены, в коротких шортах. Лицо отца видно плохо, но понятно, что красавчик. Чуть выше высокой мамы. Значит, Варя тоже будет высокой.

— Повзрослел и общаться захотел, что тут удивительного, — сказала бабушка. — Не от большого ума разбежались-то.

Мама вздыхала. Она не видела отца с того самого 2006 года, только принимала редкие денежные переводы.

Варя не переживала, что незнакома с отцом. У многих в классе его нет, подумаешь. Отсутствующий турецкий родитель добавлял очков виртуальной крутости, черные глаза, темные волосы и нездешнее отчество.

Приглашение в Аланию оказалось кстати. Мать и отчим собирались расписаться, а потом делать ремонт в квартире. Варя не горела желанием им помогать.

Варя ни разу не была за границей, лето они с мамой проводили в доме бабушки на берегу Волги, занимались огородом.

Поехать в Турцию хотелось, но было как-то неудобно — знакомиться с отцом в четырнадцать. Женат ли он и есть ли у него другие дети? Где он работает? Мама ничего этого не знала.

— Вроде магазин у него при отеле, — только и сказала она.

Через день мама приняла решение:

— Поживешь до сентября. Потом сразу в школу.

Варя пожимала плечами.

Вечером она рассказала обо всем лучшей подруге.

— Ну ты даешь, Ибрагимовна! Променять Турцию на Вольск! — Коккорева размахивала руками так, что даже по скайпу было стыдно. — Самолет оплачивают! Живи не хочу!

— Но я же там никого не знаю! — возражала Варя.

— Ты, блин, вообще, что ли? — Подруга закатила глаза. — Ты хочешь тут, вот тут остаться на лето?! В Вольске? — Она подошла к окну, перевернула камеру, и на экране возник обшарпанный дом напротив с клоками травы и камышом на крыше.

Конечно, в глубине души Варя согласилась на Турцию, когда хмурая мама сообщила «тут твой отец звонил». Теперь вечерами она открывала спутниковые карты и смотрела на Аланию. «Большой базаар», «Ресторан Газиантепа», «Али-баба маркет». Алания казалась ей бесконечным «базааром», на котором

покупают драгоценности черноволосые красавицы с подведенными глазами. А мужчины курят кальян в открытых кафе и любят ими.

Дом бабушки представлялся белым особняком, заросшим плющом. На мраморной террасе, выходящей к морю, пожилая дама в тюрбане и огромных серьгах пила кофе из чашки с узорами, а многочисленные внуки берегли ее покой и тихо играли в саду.

Варя старалась представить отца. Лицо или фигура отца возникали на фоне сверкающих морских волн, но не приобретали четких очертаний. Варя ни разу не была на море, но ясно представляла, как оно шумит и как волнуется. Видела, как берет кофейную чашку бабушка. Видела кучу двоюродных братьев и сестер, тоже черноволосых и черноглазых, но отец оставался бесформенным силуэтом.

Коккорева посоветовала ей выучить несколько слов на турецком.

— Типа вежливость, — сказала она.

И Варя выучила «здравствуйте», «спасибо» и «до свидания». И цифры от нуля до десяти, но запомнила только «раз-два-три» — «бир-еки-уш».

Еки

Варя шла по коридору вместе с туристами. Они с отцом не договорились, как найдутся в аэропорту,

и Варя беспокоилась, ведь она не знала, как отец выглядит сейчас. Если он располнел? Или облысел?

Вдруг отец не понравится ей? Вдруг сама Варя ему не понравится?

В прохладном, залитом солнцем зале прилета было столпотворение. Варя остановилась в растерянности. Когда люди чуть разошлись, ее окликнули:

— Эй, Варья!

Молодая женщина махала ей рукой. Варя неуверенно подошла. Кто это? Жена отца? На женщине были темные очки в пол-лица. На руках она держала девочку лет трех, которая увлеченно сосала палец.

Женщина коснулась Вариной спины, изображая объятие, потом поманила за собой. Озадаченная прохладным приемом, Варя шла за ней, стараясь не задеть никого чемоданом на колесиках.

Они пересекли площадь перед аэропортом, тоже полную туристов. Женщина не оборачивалась, сердито шагала, стучая босоножками по асфальту. По ее резким движениям было件нятно, что она чем-то недовольна. Варя совсем приуныла: «Не надо было ехать. Лучше обои клеить». Они вышли на парковку, усаженную пальмами. Воздух был горячим, влажным, пах бензином и расплавленным асфальтом.

Варя высматривала высокую фигуру отца, но напрасно. Женщина остановилась у маленькой белой

машины, посадила дочку в детское кресло и вручила бутылочку с соком. Потом махнула Варе — садись на заднее сиденье. Варя шагнула в сторону и показала чемодан.

— Ой-ой, — без эмоций произнесла женщина. Она обошла машину, открыла багажник и одним движением закинула в него чемодан.

В машине было как в парилке. Жена отца захлопнула двери. Она ходила перед машиной и ругалась с кем-то по телефону.

— Приехали, — грустно сказала Варя сестре. — Он, наверное, не спросил твою мать, когда приглашал меня?

Девочка улыбнулась.

— Беним исмым Варя, — сказала Варя.

— Вайя, — повторила девочка. — Вайя!

— Как тебя зовут? — спросила Варя сестру по-русски, потому что не выучила фразу на турецком. Девчонка не ответила и занялась бутылкой с соком.

Жена отца вернулась. Она больше не хмурилась и не казалась сердитой. Обернувшись, она сказала что-то в телефон и протянула его Варе.

— До Алании ехать три часа. Когда захочешь, останемся и пообедаем, — сказал ломаный женский голос автоматического переводчика.

— Хорошо, — кивнула Варя.

— Ха-ра-ш-шо, — рассмеялась мачеха. — Зухра, — добавила она, коснувшись ямки под шеей.

Ехали мимо указателей на Анталию, мимо оливковых садов и парков, мимо разномастных отелей — белых, желтых, голубых.

— Бир, еки, уш, — считала их Варя себе под нос.

Сестра уснула. Варя забрала у нее пустую бутылочку и прислонила голову к выступу детского кресла, опустила шторы от солнца с обеих сторон. Кондиционер наконец охладил машину. Зухра не говорила больше и не оборачивалась. Варя откинулась на спинку и смотрела на профиль мачехи. Она никак не могла представить отца рядом с ней. Ни в реальности, ни на старой фотографии под аркой вместо мамы. Отец с благородной осанкой и невысокая, скуластая, резкая Зухра.

Скоро Варя захотела в туалет. И нужно купить местную сим-карту с интернетом, да подешевле.

Она тронула Зухру за плечо:

— Туалет.

Через несколько минут они подрулили к большому кафе с уличной террасой. Стоянка была забита маленькими автобусами. Девочка еще спала, поэтому они подъехали поближе к зонтам от солнца, открыли окна в машине и вышли вдвоем.

Пока Варя стояла в очереди в туалет, Зухра купила чай в стеклянных рюмках с талией и несколько крошечных пирожных. Она сидела за высоким столиком под белым зонтиком. Варя неловко забралась на стул напротив. Жена отца ворковала по телефону. Ее речь была похожа на кишмиш. Он перекатывался у нее во рту и складывался в мягкие шипящие слова. Кишмиш, кишмиш, кишмиш. Она наконец сняла очки, и Варя рассмотрела ее лицо. Карие глаза и выступающие скулы. Пожалуй, красивая, если бы не чересчур большие губы, словно надутые изнутри.

Варя думала, что чай будет какой-то особенный, глядела на его замечательный янтарный цвет, но чай оказался самый обычный, только в рюмке. Зухра наконец положила трубку и ласково посмотрела на Варю, и Варя невольно улыбнулась.

— Баклава, — сказала мачеха и подвинула Варя блюдец с пирожными.

Пока Варя ковыряла тесто, сочащееся сиропом, и запивала чаем слишком сладкую незнакомую еду, Зухра снова открыла на телефоне приложение-переводчик, поднесла микрофон к своим большим губам и быстро заговорила.

— Поедем в дом к моей матери, твоей бабушке. Вечером у брата Али день рождения, приедут все, и твой отец тоже.

— Вы не жена отца? — спросила Варя у телефона. Собеседница засмеялась:

— Нет, Ибрагим — мой брат.

Ах вот что. Очаровательная сердитая женщина — ее тетя. Варя посмотрела в сторону машины, в заднем окне которой виднелся силуэт спящей двоюродной сестры.

— Моя дочка — Мелек. Есть еще Фатих и Керем, они у бабушки.

Варя заулыбалась от количества имен. Она понятия не имела, кто такие Фатих и Керем и вообще мальчики это или девочки. Дети Зухры или ее братья и сестры? В их семье были только мама, бабушка и сама Варя. Она подумала о маме и бабушке и тут же вспомнила про сим-карту.

Варя достала из заднего кармана телефон и показала тете.

— Симка, — сказала она.

— Ах, — ответила Зухра.

Она покопалась в сумке, достала старую сим-карту и протянула ее Варе. Они выпили еще по рюмке чая и двинулись к машине. Когда за окном замелькали пальмы и белые отели, Варя, прислушиваясь к мерному сопению Мелек (похоже на «малёк», и выглядела девочка как миленькая рыбка)... уснула.

Уш

Машина затормозила, и Варя проснулась. Зухра остановилась на склоне, тянущемся вниз, и Малёк повисла на ремнях. Но тетю это, по всей видимости, не беспокоило. Она открыла калитку в белом бетонном заборе и исчезла за ней. Варя, кряхтя, выбралась из машины. Машина стояла на обычной деревенской улице — дома, полускрытые деревьями, заросшие цветами и хмелем заборы. Потрескавшиеся стены, неровные куски травы — надо сфотографировать для Коккоревой. Только заборы были не деревянные, а кирпичные или бетонные. Дорога сбегала вниз, никуда не поворачивая, и заканчивалась у моря.

Пахло шашлыком и дымом, но сильнее всего — цветами. Цветы были повсюду. Свисали красными и желтыми гроздьями с оплетающих заборы лиан. Вытягивались розовыми ветками, алели, высовывая, как языки, длинные пестики. Проснулась и захныкала Малёк. Варя отстегнула двоюродную сестру и вытащила из машины. Та уверенно зашагала в калитку, за которой скрылась ее мать. Варя шла следом.

Они оказались в густом саду. Беспорядочно насаженные яблони и груши вперемишку с грецким орехом, гранатами, айвой и абрикосами. Тут и там по стволам вились виноградные лозы, увешанные

гроздьями еще зеленого винограда. Тропинка свернула направо, и сквозь зелень проступили очертания дома. Они подошли к неказистой постройке. Заросшая виноградом терраса, огромная, заставленная мебелью. Три разномастных этажа, словно их строили в разное время и разные люди. Третий — самый новый, обшитый деревом, с распахнутыми настежь окнами. На подоконниках стояли герани, а ветерок колыхал тюлевые занавески.

Малёк без конца болтала, и Варя улыбалась, слушая ее звонкий кишмиш, словно Малёк встряхивала замерзшую виноградную гроздь, и ягоды стукались друг о друга и звенели и шипели одновременно. Из дома слышались шум и топот, и на крыльцо вывалилась куча мальчишек от семилетних до подростков, все в купальных шортах. Малёк показала на Варю пальцем:

— Вайя, Вайя!

— Вайя! — повторил за Мальком самый старший из мальчиков, высокий, как Варя, черноглазый и кудрявый, черный от загара.

Мальчики молча разглядывали Варю, и пауза затянулась, но на крыльцо вышла Зухра, переговариваясь с кем-то в глубине дома. Братья расступились, и тетя стала называть их имена, касаясь макушек:

— Фатих, Яшар, Муса, Исмаил, Керем, Орхан...

У Вари рябило в глазах от количества мальчишек, их было десять, и она мгновенно забыла, кого как зовут.

Зухра тронула щеку старшего, который называл Варю по имени, потому что не доставала ему до макушки:

— Хасан.

Из дома снова слышался голос, мальчишки расступились и пропустили маленькую женщину в длинном платье. Она подошла и обняла Варю, потом притянула ее лицо к себе и стала внимательно разглядывать. Лицо женщины покрывали мелкие морщинки. Варя завороченно смотрела в ярко-голубые глаза, и мурашки носились от макушки до пяток. Бабушка заговорила ласковым кишмишем, погладила Варю по голове, потом помяла ее ладони, снова заглянула в лицо и потянула Варю в дом.

Они поднялись на второй этаж, прошли через несколько жилых комнат, расположенных, словно во дворце, анфиладой — во всех комнатах был беспорядок. Кроме кроватей и диванов, на полу лежали надувные матрасы и раскладушки — наверняка готовились принять гостей на день рождения дяди Али.

На последний этаж поднималась винтовая лестница. На этаже было две двери, и, когда бабушка

распахнула одну, Варя ахнула. Они оказались в комнатке с тюлевыми занавесками и геранью на окне. Окно выходило в сад, сбегала вниз дорога, а дальше сверкало море и солнце над ним. Бабушка показывала на кровать, платяной шкаф. В комнатке было чисто, но прибирались будто бы наспех: из шкафа выглядывала одежда, из-под кровати торчали уголки коробок. Точно как в комнатке дома бабушки в Вольске — цветное покрывало и полка с книгами.

Варя оглянулась — турецкая бабушка стояла на пороге, за ней толпились мальчишки, сбоку выглядывали Зухра и головка Малька. Лица у них были ожидающие, словно беззвучно спрашивали: «Ну как, нравится?» Варя рассмеялась и показала большие пальцы на руках. И все будто выдохнули, а жизнь в доме пошла своим чередом: мальчишки погребели вниз по лестнице, Зухра заговорила с бабушкой, а Малёк слезла с рук, зашла в комнату и устроилась на кровати.

— Ипек, — сказала Варя Зухре, указывая на бабушку.

Варя принесла из машины чемодан и затащила его в свою комнату. Вставила местную симку в телефон и отправила сообщения маме, бабушке и Кок-коровой.

На веранде Зухра сидела на старом диванчике и ворковала в трубку, вытягивая губы уточкой. Босой ступней она водила туда-обратно, задевая виноградный лист. Хасан снимал с раскладной сушилки одежду — мальчишечьи футболки и шорты, складывал в одну кучу.

— С кем Зухра все время разговаривает? — заговорила с ним Варя по-английски.

— С мужем, — ответил Хасан, разглаживая красные шорты. — Все время ругаются и мирятся.

В карих глазах Хасана были рассыпаны зеленые крапинки, и Варя поспешно отвела взгляд, чтобы не успеть смутиться. Она снимала старенькую, застиранную одежду и складывала ее в общую кучу. Хотела спросить об отце, но стеснялась. Когда белье собрали, Хасан сложил сушилку и приставил ее к стене.

— Дядя Ибрагим приедет вечером, — сказал Хасан. — У него свой магазин в отеле. Купальники, игрушки, магниты, крем от солнца, ну ты знаешь, — улыбнулся брат.

Варя кивнула, как будто знала.

— Продавец не вышел на работу, Ибрагиму пришлось торговать самому, — объяснил Хасан. — Хотя он почти все время работает сам, если честно, — добавил он. — На зарплату продавцу не хватает.

Почему-то от факта, что ее отец — простой торговец надувными кругами и купальниками, Варя стало легко.

От входа раздался пронзительный свист.

— Дядя Али! — Хасан сунул пальцы в рот и свистнул в ответ.

Мальчишки выбежали к калитке. У ворот стояла машина с открытым багажником, а у машины — низенький, как бабушка, толстяк.

Братья начали доставать из багажника коробки и пакеты и тащили их в дом. Хасан показал на Варю и сказал толстяку:

— Вайя! — взял коробку и ушел вглубь сада.

Толстяк шагнул к Варя, на секунду замешкался, а потом протянул руку. Варя пожала ее, с трудом сдерживая смех, — дядя Али доходил ей до подбородка. Его кишмиш был низкий, глуховатый, в нем перекатывались и терлись друг о друга тяжелые круглые камни.

Когда они вошли в дом, на веранде уже некуда было ступить от коробок и пакетов. Мальчишки вытаскивали из пакетов сладости, ели и запивали газировкой прямо из бутылок. Постепенно пакеты переместились на кухню и в кладовую. Варя попыталась помочь, но дети и взрослые работали как единый организм, и не успела она оглянуться, как

веранду расчистили. Затем дядя Али с Хасаном вынесли столы, а мальчики натащили стульев и расставили их вокруг. Варя принялась считать стулья и сбилась на двадцати трех.

Глядя на эту суету, Варя снова вспомнила об отце, и вернулось утреннее волнение. Она стала думать, похож ли ее отец на бабушку или на дядю Али. Может быть, у него такие же глаза, как у Хасана, морщины как у бабушки? Может, он отрастил живот, как дядя Али, и теперь похож на двухметрового колобка? Интересно, каким кишмишем он говорит? Она попыталась вспомнить силуэт отца на затертой фотографии, но его фигура рассыпалась.

Когда все было расставлено, бабушка дала команду: всем уйти, не мешать. Дядя Али появился из дома, наряженный в купальные шорты, — колобок на отдыхе. На шее висело пляжное полотенце. Мальчишки вышли кто с полотенцем, кто с кругом. Двое тащили надутый плавательный матрас. Они скрылись в саду. Варя неуверенно замерла. Ее никто не позвал с собой, но, может, в этой семье отдельного приглашения не требуется? Или требуется, но она его не получила? Варя прошла туда-обратно перед опустевшей верандой. Вдруг в семье принято, чтобы женщины занимались готовкой? Она вошла в загроможденную продуктами кухню.

— Ой, Варя! — воскликнула Зухра. У тетки на руках висела Малёк в розовом купальнике. Зухра сунула Варе дочку и принялась убирать посуду со стола. Бабушка мельком улынулась Варе и тоже занялась своими делами.

Варя с Мальком под мышкой поднялась к себе в комнату, открыла чемодан и стала искать купальник. Море, сейчас она пойдет на самое настоящее море!

На пляже воздух колебался от жара. Родня расположилась у самой воды — Хасан и дядя Али сидели на полотенце и следили за братьями. Мальчики плескались, топили друг друга. Двое боролись с волнами на матрасе — высокая волна прибывала их обратно к берегу, а они с хохотом забегали глубже. Рядом стояли ровные ряды шезлонгов под белыми зонтами, и туристы раздраженно поглядывали на шумных соседей.

Варя сняла шорты и футболку, взяла за руку Малька, и они вошли в мутную у берега воду. Малёк оттолкнулась от Вари и поплыла. Варя удивленно смотрела, как она добралась до братьев с матрасом. Втроем они отправились штурмовать волны, причем Малёк командовала: «Бил, еки, усь!»

Варя легла спиной на воду и оттолкнулась от дна. Плавать было легче, чем в Волге. Волны то приподнимали, то опускали ее — сердце замирало, когда

она падала вниз. Варя позволила течению тащить себя почти до буйков, а у них оглянулась на берег. Над пляжем стеной стояли пальмы, за ними поднимались в гору дома местных и причудливые здания отелей. А выше четкие границы гор врезались в синее небо.

Варя снова легла на воду и вспоминала фотографию родителей. Высокая фигура отца под увитой цветами аркой. Лозы с такими же цветами свешивались с забора турецкой бабушки. Лицо отца то становилось четким, то его присыпало желтым прибрежным песком. Кудри, большой нос. Варя потрогала свой — наверное, будет как у него.

— Ва-а-а-ай-я-я-я! — донеслось с берега.

Варя оглянулась — Хасан кричал и махал ей с берега — «возвращайся».

Солнце уже садилось, когда они поднимались в гору к дому бабушки. Улица перед домом была заставлена машинами. На мангалах в саду двое дядюшек делали шашлык. Бабушка и тетушки (Варя сразу определила мужчин дядюшками, а женщин тетушками) расставляли тарелки на столе.

Мальчишки побежали в дом — одеваться. Хасан поднялся на веранду, спустил с рук Малька и щелкнул выключателем. Веранда осветилась глуховатым светом нескольких фонарей. Потом он вышел в сад

и пощелкал выключателями в сарайчике. В саду загорелись развешанные как попало на деревьях лампочки, и сразу стало красиво и тепло.

На веранду вышли тетушки. Они заохали при виде гирлянд. Потом одна из них увидела глядящую на них Варю, спустилась и ласково заговорила с ней. Вокруг нее вмиг возникли остальные, почему-то все маленького роста (почему папа высокий?), и Варя обмякла и слушала кишмиш — высокий, низкий, бурлящий — Варья, Варья, Варья. Веранда была полна людьми, они выходили из дома, как из шляпы фокусника, — молодые и постарше. Некоторые с интересом рассматривали Варю, некоторые скользили отстраненным взглядом, некоторые кивали и продолжали говорить, усаживаться, окликать своих детей, смеяться. Отца среди них не было.

Варя поднялась в свою комнату и переоделась в платье. Взглянула в зеркало — подсушенные сверху волосы торчат в разные стороны. Фена в комнате не было, расческу Варя забыла, поэтому пригладила волосы и собрала их в пучок. Почему-то стало все равно, что отец увидит ее растрепанной. Ей было спокойно, как дома, — пусть будет небрежный пучок.

Она спустилась вниз, когда все уже расселись по местам. Дядя Али снимал с шампуров шашлык, оказавшийся котлетками, и передавал тарелки. Хасан

потянул Варю на свободный стул рядом с собой. Со стороны входных ворот вынырнули из зарослей Зухра с мужем — он нес на руках Малька, а та обнимала его за шею и болтала.

День рождения был непривычный — подарков не дарили, тостов не произносили. Спиртного на столе не было. Как будто день рождения был только поводом собраться всей семьей.

Варя постоянно оглядывалась на сад, ожидая увидеть отцовскую фигуру, не размытую и не выцветшую от времени.

— Ибрагим приедет часов в десять, — сказал ей Хасан, перекрикивая шум родни.

Скоро он принес из дома старые колонки, протянул удлинитель и подключил колонки к телефону. Заиграл поп-кишмиш. Мальчишки выскочили на пяточок и стали по-козлиному прыгать. Родители смотрели на них с веранды и смеялись. Муж Зухры танцевал с Мальком — кружил ее, а она визжала. В другом конце веранды Зухра раскуривала два кальяна, не отрываясь от телефона.

Вынесли несколько чайников и рюмки. Молодежь продолжала беситься, а старшие одобрительно на них смотрели и беседовали. Варю попытались вытащить на танцпол, она смущенно мотала головой — хотела пойти, но стеснялась. Она словно приклеилась

к стулу в ожидании. Продолжала оглядываться в сторону калитки, но отца все не было. Ей казалось, что уже полночь, потому что танцы все не кончались, и наступила крошечная темнота, веранда казалась пятнышком света в бесконечной темной вселенной.

Хасан выключил музыку, и в наступившей тишине застрекотали сверчки, донесся шум машин с оживленной трассы, зашумел кишмиш родни и писк Малька, которую щекотал отец. Хасан выбрал на телефоне ритмичную песню, видимо народную. Мужской и женский кишмиши сплетались, как ветви в саду у бабушки. Взрослые встали и, подпевая, вышли на пятнышко. Они забавно танцевали — приподнимали локти и крутили кистями, выкидывали вперед ноги наискосок. Дядя Али подчеркнуто вежливо взял за руку бабушку и повел танцевать. Мальчишки с важным видом повторяли за взрослыми. Варя подалась вперед и наблюдала улыбаясь. Хасан махнул ей рукой — «иди к нам», но она засмушалась, помотала головой и откинулась обратно на спинку.

С ритмичной мелодией почему-то нарастало волнение, и, чтобы успокоиться, Варя считала про себя: «бир, еки, уш», «бир, еки, уш». И на очередном «уш» из глубины сада появилась высокая фигура. Лицо осветилось лампочками на деревьях. Кудри, большой нос, добрые глаза. Пожалуй, все как у Вари.

Отец спросил о чем-то дядю Али, тот развел руками, показал на танцующих, и они стали разглядывать толпу, искали Варю — догадалась она. Варя прилипла к стулу, словно не хотела, чтобы отец нашел ее.

Песня сменилась, без паузы запела женщина. Дядя Али пошел танцевать, а отец стоял, и искал Варю глазами, и не видел ее в неосвещенном уголке.

Наконец Варя («бир, еки, уш») собралась с духом, отлепилась от стула и спустилась с веранды. Кружок танцующих родственников расступился и впустил ее. И Варя под музыку поднимала вверх локти и выбрасывала ноги наискосок, крутила ладонями, хохотала, в общем, делала все то же самое, что делали они.

Санкт-Петербург, 2020

Дмитрий Сиротин

~

КОШАЧИЙ РАЙ

Как я рассмешил тетю Марину! Она так смеялась, что аж кефиром подавилась. И убежала в ванную кашлять. А я не понимал: чего такого смешного-то? Просто немножко похрюкал. И поквакал. Но тетя Марина почему-то от смеха чуть не померла. В прямом смысле. Очень сильно подавилась.

Пока она громко откашливалась, я думал: может, я и правда будущий артист? Мне многие говорят. И сама тетя Марина моей маме так сказала. Очень уж я артистично пел «Остров невезения» из репертуара Андрея Миронова. И даже плясать пытался, как он на корабле в том фильме, пока мы шли к тете Марине от метро. Шли в ее квартиру в центре Москвы. Везет же некоторым. В Москве живут, да еще и в центре. А мы с мамой — на далеком Севере, в богом забытом городишке. И даже в нем — далеко не в центре. А на окраине, где половина домов уже пустые. Людей расселили в новые, а пустые дома стоят и смотрят своими огромными грустными окнами.

Правда, в них забавно залезать. В эти окна. И ходить там по пустым холодным комнатам, смотреть на оборванные обои, холодные облупившиеся батареи... На вещи, оставшиеся от бывших хозяев... То сапог валяется, то Буратино игрушечный, то газета... И так интересно думать, представлять, какие люди тут жили, как ели, где спали... Ссорились, наверно, и мирились... Дети плакали маленькие. Потом вырастали, в школу шли. А люди — на работу. И обратно. А теперь вот где они все? Ничего и никого. Только обои ободранные. И ветер гуляет. И как-то даже грустно становится. Жалко становится дом.

Вот он стоит теперь, одинокий, с глубокими черными глазами. Пустой. А ведь привык к голосам людей, и к шуму воды, и к бормотанью телевизора, и к плачу малышей... А теперь вот дому одиноко и плохо, должно быть.

А потом один начальник приказал заколотить окна в наших пустых домах. Потому что в эти окна лезли разные опасные преступники. Или наркоманы. Или бомжи. А чаще — все вместе. Вот и заколотили.

И кошек заколотили. Кошки жили в этих домах, грелись. Все-таки там было теплей, чем на улице. И вот кошек замуровали.

Мы с подружкой Тасей Ульяновской всё ходили возле этих заколоченных домов, прислушивались, нет ли где жалобного мяуканья. Если слышали — старались оторвать доски или хотя бы немного отодвинуть, чтобы кошка могла пролезть в щель. Но не получалось. Кошки мяукали так тоскливо, что сердце рвалось.

Тася плакала, и мы всё думали, как же спасти кошек. Она даже папу своего привела.

И папа тоже послушал мяуканье. И сказал:

— Мда.

Он вообще был немногословен. Строгий человек, серьезный. Начальник какой-то.

— Пап, ты поможешь? Может, как-то распилить эти доски? У нас же пила есть?

— Есть, — отрывисто отвечал папа. — Но не распилю.

— Ну почему?

— Раз заколотили, значит, так надо. Распилю — и привлекут.

— Куда привлекут?

— Не куда, а за что. За порчу государственного имущества, скажем.

— Да какое это имущество? — кричала Тася со слезами. — Дом все равно снесут! Кому он нужен, старый, пустой?

— Когда снесут, тогда снесут, — твердо отвечал Тасин папа. — А я в это лезть не буду.

— Папочка, но как же кошки?! — чуть не выла Тася.

— Кошки никак, — чеканил папа. — И правильно. Шастают, заразу разносят. Голубей жрут. Весь двор загадили. Твари.

— Они не тва-а-ари!!!

Тасин папа кричал, крихтел, откашливался, но был непробиваем.

Кошки мяукали.

Тася плакала. Мне было ее жалко, и кошек было жалко. И я злился на Тасиного папу. И думал: вот был бы я ее папа, я бы точно, не раздумывая, взял пилу, распилил бы эти проклятые доски и спас всех кошек и в этом доме, и на всей улице!

И тут меня осенило:

— А давай просто возьмем у твоего папы пилу и сами доски пилить будем!

— Ой! — Тася аж подпрыгнула. — Точно! А ты умеешь пилить?

— Не умею, — признался я.

— И я не умею. — Тася опустила голову.

— Да чего там уметь? — воскликнул я как можно уверенней. — Ты за одну сторону пилы возьмешься, я — за другую, и будем двигать туда-сюда, так все доски и перепилим!

Оставалось только осуществить план спасения. На следующий день я пришел к Тасе. Папа ее был на работе, мама накормила нас бутербродами с чаем. Мы поблагодарили и, следя, чтобы Тасина мама не вышла из кухни, прокрались в кладовку. Искать пилу. В кладовке было темно и даже немного страшно. Не знаю, как Тасе, но мне всегда страшновато, когда темно. Хотя я знаю, что никаких чудищ и привидений не бывает, но в темноте кто их знает? А главное, в темноте совершенно невозможно было ничего найти. Не то что пилу — я даже Тасю потерял. Бодрясь из последних сил, я позвал:

— Тася!

Ответа не было.

— Тася! Ты где? — позвал я чуть громче.

Тишина.

«Ой», — подумал я. И сразу страшная мысль: вдруг ее придавило чем-нибудь тяжелым, и она не может даже ответить, так придавлена.

Я стал бить наугад по стенам, пытаюсь попасть по выключателю. Раз Тася сама свет не включила — значит, наверняка с ней что-то случилось.

Выключателя не нащупал и тогда стал нащупывать ручку двери, чтобы открыть кладовку.

Я долго шарил рукой в темноте, и вдруг мою руку резко схватили и громко сказали: «Гав!»

Я заорал от ужаса и упал. Кто-то упал на меня. И стал хохотать. Это была Тася.

— Ты дура? Делать нечего?!

Тася все хохотала, не могла встать с меня от смеха. А я все больше злился:

— Мы кошек спасать идем, а ты фигней страдаешь! Как debilка.

Тася замолчала.

«Обиделась, что ли?» — подумал я. Такой, правда, характер у нее тяжелый! То ревет — не успокоить, то хохочет — опять не успокоить, то обижается, хотя сама же и виновата: нашла время и место пугать!

Я попытался на ощупь сбросить Тасю, но она не сбрасывалась. И вдруг я почувствовал ее губы на своей шее. На щеке. На другой щеке. И опять на шее. И на глазах. И опять на щеке. И снова на глазах. И снова на шее. И мне почему-то стало еще страшнее, чем когда она схватила за руку и сказала: «Гав!»

— Ты чего? — пробормотал я.

Тут нас ослепил резкий свет.

Тася вскочила.

На пороге кладовки стояла ее мама.

— Вы что тут делаете? — строго спросила она.

— Ничего! — вполне уверенно ответила Тася, отряхиваясь.

— Я вижу, — еще строже заметила мама.

— Мы... это... пилу искали... — ляпнул я.

— Зачем ты сказал? — ахнула Тася.

Я и сам не знал, зачем нас выдал. Просто очень растерялся от всего этого...

— Зачем вам пила? — Металл в голосе мамы всё креп.

Тут на сцену вышла Тася, моментально зарыдав. Я просто поразился, как у нее так сразу слезы брызнули, как у клоуна в цирке.

— Мы кошечек спасти хотели! — завопила она.

— Каких кошечек?

— Которые в дома-ах, заколо-оченные!!!

— Так. Быстро на улицу. Отец придет, поговорю с ним. Совсем распустилась! И ты, Женя, тоже хорош! Вроде мальчик умнее быть должен. И серьезней. Хуже маленьких... Живо во двор!

Итак, операция по спасению кошек была провалена. Тася рыдала весь вечер и весь следующий день. А потом вдруг резко успокоилась. И сказала:

— Они попадут в кошачий рай. Там у них всегда будет молоко, сыр, сметана и мыши.

— А для мышей это, получается, ад?

— Почему?

— Ну, их же кошки будут лопать в своем раю. Получается — кошачий рай, мышинный ад?

Тася задумалась. И долго мы еще сидели у заброшенного дома и молча думали.

А теперь лето, мама в отпуске, и мы с ней у тети Марины, ее московской подруги. Они с мамой вместе в школе учились. Просто тете Марине повезло: она вышла за москвича. А маме не повезло: она вышла за «этого козла», как она называет моего папу. Я «этого козла» помню плохо и потому не знаю, правда ли он козел или это мама его так от обиды зовет.

И вот я сильно рассмешил тетю Марину. И когда она наконец откашлялась, мама уложила меня спать.

В чужом доме, на чужой кровати было непривычно и странно. И запах из приоткрытого окна был такой необычный. Но приятный. Такая прохлада прямо... В нашем городе таких запахов и в помине нет. Свежо-свежо, но не холодно, можно даже не закутываться в одеяло... Мама сидела рядом со мной и всё приговаривала: «Артист ты, артист. Чуть по-другому мне не угробил. Талант!»

А потом я проснулся посреди ночи. Сам не знаю почему. Проснулся один. В чужой комнате, на чужой кровати. В темноте и тишине. Полежал немного, и вдруг почувствовал, как становится страшно.

И вроде непонятно почему. Что страшного-то? Мама с тетей Мариной, наверное, на кухне. Болтают себе, чай пьют. Мало ли разговоров у старых подруг, особенно когда так редко видятся.

И сын тети Марины, Андрюша, в своей комнате тоже спит, наверное. Как-то у нас с ним не очень заладились. Он спросил:

— А сколько у вас в городе станций метро?

Я говорю:

— У нас нет метро.

Он глаза выпучил:

— Как это нет метро? Метро везде есть!

— А у нас нет.

И как-то после этого он не очень со мной разговаривал. Может, думал, что я ему вру. Как это нет метро? А может, не хотел с таким дикарем разговаривать. Который живет в настолько захудалом городишке, что даже метро туда не провели...

И муж тети Марины, дядя Сережа, спит где-то. В общем, не один же я в этой квартире! Но страх не проходил, становился всё сильнее. И тишина была такой, что аж уши закладывало. И темнота густела, уже переливалась от густоты, как живая. И я чувствовал себя таким маленьким и одиноким. И совершенно незащищенным. Как будто — вот, мама ушла, и теперь вся в мире темнота готова наброситься

на меня. Будто всегда поджидала, когда мама отойдет подальше и закроет за собой дверь.

И я почему-то понял, что надо кричать. Криком можно спугнуть и страх, и коварную темноту, и жуткую тишину. То есть я даже не успел этого понять, крик сам родился во мне и вырвался наружу:

— Мама!

Темнота чуть отступила от неожиданности, потом ухмыльнулась и придвинулась еще ближе.

— Мама!!

Темнота, тишина, ужас.

Я вдруг понял, что однажды я ее не дозовусь.

Буду вот так кричать, кричать — а она не придет. Мама умрет. Однажды это случится. Нет никакой пощады. Она умрет, и я умру, и все умрут. Словно темнота и тишина нашептывали мне в свободное от подушки ухо, шелестя занавесками: «Спи... Спи... Смерть... Смерть... Жуть... Жуть... В путь... В путь...» Я вспомнил заколоченных кошек, жалобно мяукающих в пустых квартирах с ободранными обоями, с валяющимся Буратино; кошек, в ужасе и тоске царапающих доски...

— Мама! Мама!! Ма-ма!!!

Я кричал, выл, орал чужим голосом — не ожидал, что он во мне есть! — отрывисто, надрывно, страшно, горько:

— Мама! Мама!! Мамааааа!!!

Мама наконец услышала и прибежала. Наклонилась над кроватью. От мамы пахло вином. В дверях стояла тетя Марина.

— Что он? — тихо спросила она.

— Женечка, что тебе приснилось, мой хороший? Что ты? Мама тут, мама всегда тут, — ласково говорила мама. — Я только с тетей Мариной чуть-чуть на кухне, а так — я же тут, солнышко.

— Мама! Мама! Мамааа... — крик всё рвался из меня, но всё тише: мама пришла — и темнота сразу отступила, ушла, провалилась.

— Мама, не уходи только. Завтра... завтра с тетей Мариной поговоришь... Мы же в зоопарк хотели... в зоопарке поговоришь... Мама, не уходи.

— Не уйду, сыночек, вот видишь, уже ложусь. Тут, рядом.

— Что за шум, а драки нет? — хрипловато поинтересовался голос дяди Серёжи.

И голос Андрюши, сына их, пояснил с насмешкой, хотя и чуть неуверенно:

— Он не привык, наверное, в такой большой квартире. У них маленькие там у всех...

— Спать идите! — приказал им голос тети Марины.

Мама всё сидела, держала меня за руку, я всхлипывал, но всё тише и тише.

— Артист ты мой, артист. Чувствительная натура, — глядя меня по руке, приговаривала мама. И я наконец уснул.

А утром было очень стыдно. Особенно перед этим Андрюшей. Но он, правда, ничего мне про ночь не сказал. А может, тетя Марина ему сказала, чтоб не говорил.

А осенью Тася Ульяновская спрашивала меня:

— Ну как там, в Москве? Красиво?

— Еще бы, — говорил я. — Одна Красная площадь чего стоит.

— Да, и дома́, наверное, высокие, не то что у нас?

— У-у, высоченные! — подтверждал я. — Голову как ни задирай, а все равно не увидишь, где кончаются.

— Да, там, наверное, таких пустых домов, как у нас, нет, — сказала Тася и вздохнула. — Кошек не заколачивают, небось... У нас старушка умерла в соседнем подъезде. Она неходячая была давно уже, лежала, даже говорить не могла, дочка за ней ухаживала. Дочка вышла за хлебом, а ключи потеряла где-то по дороге. Домой попасть не может. Пока дверь взламывали, старушка и умерла.

— Почему умерла? Так долго взламывали? — удивился я.

— Да нет, ей надо было какие-то уколы делать все время, и вот, пока дочка бегала за слесарем, то-сё... У старушки приступ, а укол сделать некому, она и умерла. Дверь взломали, а она там мертвая лежит. На полу. Дочке сразу с сердцем плохо, обеих и увезли. День дочки нет, два нет... На третий приходят квартиру опечатывать: тоже умерла, представляешь? Ужас, скажи?

— Да... — согласился я.

— Я потом всю ночь спать не могла, все представляла: как же этой старушке было страшно, и тяжело, и на помощь не позвать! И умираешь от приступа, одна в пустой квартире... И дочке как страшно было и тяжело, аж сердце разорвалось! Зачем так?

— Что — зачем? — не понял я.

— Ну вот Бог зачем так делает? Такие мучения людям? За что? Неужели эти старая мама с дочкой такие грешники были? Или вот кошечек этих, которых досками заколотили, — зачем он их так мучал? Они-то точно не грешники. Разве животные могут грешить? Они ведь вообще ничего не соображают.

— Так Бога и нет, может, — сказал я.

— Нет, есть! — крикнула Тася. — Папа сейчас батюшке храм помогает строить, батюшка к нам все

лето ходил, столько рассказывал, я теперь точно знаю, что Бог есть! Просто надо понять: зачем он так?

— Так ты спроси у этого батюшки.

— Я стесняюсь, — призналась Тася. — Он такой серьезный, еще серьезней, чем папа! Просто, наверное, старушка с дочкой теперь тоже в раю. За эти муки... У кошек свой рай. У старушек с дочками — свой.

— А у мышей только ад? Ну, в кошачьем-то раю, — напомнил я.

Тася задумалась. И долго мы еще сидели у заброшенного дома и молча думали.

Сентябрь 2020

ТРИАНГУКИ

Лева вообще очень умный. Я как-то спросила его: вот откуда, говорю, Лева, ты все это знаешь? А он говорит: ну так, просто умный. И это правда.

Мы уже третий год снимаем летом домик на берегу. С одной стороны у нас Финский залив, с другой — лес. А между заливом и лесом домики раскиданы — у Левы здесь дача, ну а мы так, временно селимся на каникулах.

Не знаю, почему он со мной дружит. Я и половины не знаю того, что Лева знает. Когда я первый раз сюда приехала с бабушкой, он собирался быть археологом. Мы тогда перекопали наши участки вдоль и поперек, нашли кривую алюминиевую ложку и горсть гвоздей. На следующий год мы все лето собирали коллекцию жуков и пытались вывести из гусениц бабочек. А этим летом он показал мне триангуки.

Я тогда только из города приехала, зашла к нему, а он как раз собрался уходить.

— Ты куда? — говорю.

— Хочу на дальние развалины сходить. Пойдешь?

У нас тут есть древние развалины. Лева говорит, что это от финских построек осталось. Бабушка мне тоже говорила, что здесь когда-то финны жили, еще до войны. Лева, когда первый раз экскурсию мне проводил, повел меня на развалины за ручьем, я думала, там страшно — представляла себе полуразрушенные стены, внутри темно, сыро, и того и гляди финны из-за угла выскочат. Но оказалось, это просто фундамент — такой прямоугольник из камней. Там совсем не страшно, и земляника растет. Но это местные развалины, на лугу за ручьем. А на дальних, которые за станцией, я еще не была.

— А что бабушке сказать, мы когда вернемся?

Лева задумался.

— Как получится. Я же не просто так, у меня дело. Я триангуки ищу.

Лева очень умный. И вечно какие-то умные слова говорит, я даже не знаю — спрашивать, что это такое, или лучше не ввязываться. Но тут мне слово так понравилось — триангуки какие-то. Может, это грибы такие или жучки какие-то местные.

— Лев, а это что? Триангуки эти.

— Да если б знать. Мало у меня вводных данных. Вот и хочу поискать еще. Короче, Таська, пошли, покажу. Ты скажи своим, что к обеду придем.

Я тогда отпросилась у бабушки, схватила на кухне два пряника, и мы слевой побежали к станции. Меня бабушка слевой везде отпускает, знает, что с ним не пропадешь.

У платформы Лева свернул на тропинку, и мы стали подниматься наверх, на холм. Я давно хотела сюда забраться, только мама с бабушкой вечно торопились на электричку или, наоборот, тащили меня с электрички скорее домой.

Наверху оказалась открытая площадка с плоским камнем посередине. Лева остановился и присел на корточки:

— Смотри. Вот, тут один есть.

Железка была толстая, ржавого цвета, явно древняя и вбита прямо в камень, а по кругу на ней выступали рельефные буквы: ТРИАНГ ГУГК.

— Я еще один такой видел в развалинах, которые за пляжем. Только на том написано просто ГУГК и цифры: 1929.

Я ничего не понимала. И видела, что Лева тоже. А это значит, что тут какая-то нереальная тайна, если даже Лева не может мне объяснить. Я осторожно потрогала выпуклые буквы на железяке и спросила:

— И... что ты думаешь?

— Ну, пока есть только версии. Если 1929 — это год, то это финские штуки. Надо выяснить, может,

на финском это что-то значит. Я вот знаю у них слова, например, Суоми — это Финляндия, или пурукуми — жвачка. Кто его знает, как у них «триангугк» переводится — может, это вообще такой военный пункт, секретный.

— Слушай, так ведь буквы-то русские, — засомневалась я. — Финны тут при чем?

— А слово, по-твоему, русское? Триан-ГГ-у-ГК? Я вот думаю, что они такую шифровку использовали — писали свои слова русскими буквами. Ну, это как вариант.

— А в интернете искал?

Лева вздохнул:

— У нас с родителями уговор — месяц силы воли. Папа не курит, мама не ест сладкое, я не лезу в интернет. Для связи только вот с этим хожу. — Лева задрал рукав — на руке были смарт-часы. — Да и все равно тут сеть почти не ловит.

Это правда. Мама, когда приезжает на выходных, забирается на чердак и держит телефон у окна, чтобы хоть как-то почту загрузить. А у нас с бабушкой вообще телефоны кнопочные.

Лева поднялся, махнул мне:

— Пойдем, теперь на дальних развалинах посмотрим. Наши ближайшие я уже все обошел.

По дороге Лева сказал, что хочет нарисовать карту наших мест и отметить там эти триангуки. Может, это как-то прояснит, где искать такие знаки.

— Лева, а если это места, где сокровища спрятаны? Давай попробуем раскопать?

— Я про это думал, но уж очень заметный знак. Да и где копать, под фундаментом?

Лева, сунув руки в карманы, перескакивал с камня на камень. Мне кажется, мы вообще тут по земле редко ходим — зачем, если везде камни. По некоторым можно уже с закрытыми глазами пройти — помнишь, где какой выступ, какой шатается, где провал.

И тут я вдруг вспомнила, где я похожие штуки видела. Не может быть, чтобы Лева об этом не подумал!

— Слушай, я поняла! Мы с девчонками в городе на квест ходили — там вот тоже надо было всякие такие буквы-цифры соединить, чтобы получить код. Может, это такой квест?

Лева задумался:

— Финский?

— Ну почему финский-то. Просто квест. Не знаю я. Это ты у нас умный.

На дальних развалинах мы ничего не нашли. А через день Лева уехал на море. Это было так

неожиданно, что я чуть не заплакала. Что тут можно делать без Левы? Но он перед отъездом сказал:

— Ты тут не зевай пока, вдруг еще трианг найдешь.

И я стала искать. Я думала — вот вернется Лева, весь такой загорелый, и скажет: «Ну что, Таська, ничего?» А я засуну руки в карманы и скажу: «Ну так. Есть кое-что». И покажу ему огромный триангук там, где Лева даже не думал искать. А может, даже два. Или три. А может, я даже сама разгадаю тайну триангов, и Лева скажет: «Ну ты даешь! Я бы не догадался!»

Я еще раз облазила все валуны на берегу, рассмотрела все попавшиеся на глаза каменные плиты, исследовала даже остатки давно сгоревшего дома у ручья. Теперь оставался только один шанс — Полинкины развалины.

С Полинкой мы поссорились еще в прошлом году. По глупости. Она обиделась, что я с Левой, а не с ней в магазин пошла, — а я и не знала вообще, что она тоже собиралась. Я бы ей объяснила, и помирились бы, но она потом столько всякого про него наговорила. Что зануда и ботаник, и что игры у нас детсадовские. Так что мириться уже не хотелось. Да мы и не дружили особо — просто купаться вместе бегали и в прятки играли. Вообще-то весело было, конечно. А в этом году мы почти и не разговаривали.

Полинка старше меня на два года. Теперь она со старшими гуляла, вечером, а меня бы даже не отпустили так поздно. Совсем другая она теперь. Ну и идти к ней теперь вообще не хотелось.

Но скоро должен был приехать Лева, а я так ничего и нашла. Он будет рассказывать мне о крабах и медузах, скажет, что нырял со скалы, покажет какие-нибудь древние черепки, которые нашел на затонувшем корабле, будет вязать морские узлы или что там еще. А я? Я вздохнула и пошла к Полинке.

— Привет.

— Привет. Ты чего? — Полинка удивилась, понятное дело. Я сама себе удивилась.

— Тут такое дело... Можно на ваши развалины посмотреть? — спросила я, кивнув в сторону их дома.

— Чего-о? — не поняла она. Я сообразила, что сказала что-то не то, но отступить уже было поздно.

— Ну то есть... фундамент старый у вас на участке есть, там, в конце.

— Зачем это? — прищурилась Полинка.

Посвящать ее в наши тайны я не собиралась, но заранее ответ на такой простой вопрос не продумала. Пришлось выложить как есть.

— Там может быть триангук. Знак такой... необычный. Железный. На камнях у станции такой есть, и еще на развалинах, которые за пляжем.

Полинка как будто прикидывала, интересно ли ей это. Наконец нехотя открыла калитку,пустила меня.

— Ну и что это за знак? — как бы равнодушно спросила она, когда мы подошли к заросшим обломкам старого фундамента. Я стала шарить в траве, расчищая покрытые мхом каменные выступы. Найдись, триангучик, миленький, найдись! Но кусок фундамента на участке был совсем небольшим, и того, что я искала, похоже, там не было.

— Слушай, а это не такая железяка, как на углу магазина? — вдруг спросила Полинка. — Я когда там Буську к перилам привязываю, каждый раз смотрю — что за штуковина? Ну, помнишь?

— Да, вроде что-то такое там есть в стене...

— Сбегаем?

Штуковина в кирпичной стене магазина была другой формы, но из такого же внушительного железа и тоже со словом «гугк».

— Ну что, он? — спросила Полинка.

— Он. Только... Он немного другой здесь.

— А что твой профессор про них говорит?

— Он не знает. Вот ищем, думаем. На одном год стоит — 1929. Лева говорит, может, эти буквы — какой-то шифр, еще от финнов. Ну, знаешь, там, Суоми, пурукуми...

Полинка рассмеялась.

— Ладно, Таська. Мне пора. Ко мне сестра вечером приезжает. Ты заходи, если хочешь.

Я кивнула. Может, она и нормальная.

На следующий день Полинка перехватила меня по дороге на пляж. Она шла в своей новой компании гогочущих парней и накрашенных девчонок и казалась мне снова чужой и незнакомой.

— Короче, я все узнала, — манерно начала она. — У меня сестра спортивным ориентированием занимается, она знает. Триангуки ваши — метки для геодезистов. Это, кажется, те, кто карты рисуют, они по этим штуковинам что-то там меряют, высоту или широту, я толком не поняла. И 1929 — это не год, а номер просто. Эх вы, пурукуми, — усмехнулась она и вернулась к своим.

На берег я не пошла. Залезла на большой камень, треснутый от молнии, прижалась к нему животом, щекой.

Что я скажу Леве?

Слушай, я нашла еще один трианг, только это уже неважно, потому что теперь нет никакого секрета. Ну, не то чтобы я сильно вникла, но понятно, что это не финны и не сокровища.

Откуда знаю? Бывшая подружка наболтала.

Ну почему Полинка все испортила. Или не Полинка? Просто нет тайны. Была, и нет.

Мы сидели на развалинах за ручьем и ели землянику. Лева смотрел на меня, а я пыталась ему объяснить.

— Я не хотела ей рассказывать... Я пошла проверить развалины у них за домом. И там не было ничего, и тогда она вспомнила про магазин...

Лева меня перебил:

— Таська, я про триангуки все узнал. В общем, это такие метки, по которым координаты определяют. Трианг — это триангуляционный пункт. Их далеко друг от друга ставят, а обычные пункты — там, где «гугк», — они часто встречаются. ГУГК — это сокращение просто, Главное управление геодезии и картографии. Понимаешь?

Почему-то я люблю, когда Лева говорит умные слова. И я сказала:

— А цифры — это не год, это просто номер пункта. И Лева кивнул. И почему-то мы засмеялись.

— А что мы делать сегодня будем? Расскажешь про море?

Он пожал плечами:

— А чего там рассказывать. Море как море. Пойдем трианги поищем?

Нина Дашевская

~

НА БУКСИР

К.

Леха не торопится. Он никогда никуда не торопится — ему незачем. Он идет, не спеша переставляет свои ноги. А я бегу, бегу за ним, и все равно чуть сзади, никак не догнать.

— Ну чего ты, гном? — спрашивает Леха. — Цепляйся на буксир!

И подхватывает меня под руку. Тащусь за ним... как за папой в садик.

Хотя со стороны может показаться, что я его девушка. На самом деле — нет. Просто у него ноги в два раза длиннее моих, вот и приходится это — на буксир.

Однажды он так сказал — ну чего ты, маленькая. И сам испугался. И я тоже. Больше он такого не говорил. Нет, просто сосед, ничего такого.

Леха идет не спеша, посматривает по сторонам.

— О, смотри, тут жил композитор Прокофьев. Который это — Ленинградская симфония.

— Вот ты гений, Лехус. Ленинградская — это Шостакович.

Я ему просвистела бы сейчас «Танец рыцарей», но у меня и так дыхания не хватает.

— А еще Ойстрах, — читает он мемориальные доски, — это скрипач. И Маршак. Во, Маршак! И Кукры-никсы. Ничего себе, все в одном доме тусовались!

Я смотрю только на плитку под ногами, бегу за ним, бегу! Еще и по сторонам смотреть — некогда. Вот опоздаем на электричку, будет знать!

Главное — я же отлично понимаю, из-за кого мы опоздаем. Лехе ничего не стоит увеличить темп, а я... кажется, я сейчас задохнусь. Лицо красное, волосы вылезли из-под шапки, и салфетка... где у меня салфетки? Вечно из носа течет, как на улицу выхожу. Девять месяцев в году — постоянно. Если проходит — даже странно: будто не мой нос. Сухой. Летом полегче, но все равно.

Впереди уже видны яркие росписи Покраса Лампаса, Курский вокзал. Почти, почти, чуть-чуть осталось!

Я бросаю все же взгляд в другую сторону, на табличку, и чуть не останавливаюсь.

Яковоапостольский переулок. Как красиво! Яковоапостольский. Кто такой апостол Яков? Иаков, наверное. Не знаю. У нас в классе есть девочка — Полина

Иаковлева. Вот такая неудобная фамилия, каждый раз приходится всех исправлять. Я сначала думала, что это ужасно — Иаковлева, еще и дразнят все время осликом Иа (кстати, есть причины). А теперь понимаю, что лучше быть Иаковлевой, чем просто Яковлевой. Необыкновеннее.

— Ты это, гном... Шевели лапками чуть-чуть, — топчит меня Леха.

Да, я затормозила, задумалась. Апостол Иаков — вот и идешь медленнее. Надо прибавить. Покрас Лампас, Покрас Лампас — шепчу я в темпе скорого поезда. Успеваем, должны успеть!

Мы едем с классом в поход. Да, несмотря на то что Леха меня в два раза выше, мы одноклассники. Не, он нормальный. Это я недоросток.

В переходе проскакиваем мимо кофе. Я ужасно хочу кофе! В общем, я всегда хочу кофе, когда его вижу. Это называется «зависимость», поэтому я работаю над собой.

— Работаешь над собой? — усмехается Леха. Все-то он про меня знает!

— Сейчас все равно некогда, — пыхчу я.

— Надо, знаешь, что-то себе приятное делать. Типа в награду. А то если все время запрещать — одно расстройство. Я так курить бросил. О, хочешь, купим тебе авокадо?

В последнем окне продают плюшевые авокадо. Авокадо — мягкая игрушка. Зачем?!

Мы проскакиваем мимо, я мчусь, а Леха идет себе не спеша, пространно рассуждает о пользе авокадо и вообще здорового образа жизни. Ну-ну. Бывалый человек, все бросил, что я еще и не думала начинать.

Мы вваливаемся в вокзал и смотрим на табло.

Нашего поезда нет. Совсем.

— Сейчас, — говорит Леха. — Сейчас, сейчас!

Расписание мигает, буквы щелкают, меняются. Конечно, это какая-то ошибка. И сейчас покажется наш поезд, номер платформы...

— Так, — говорит Леха и смотрит в свой телефон. — Ну мы и дураки с тобой, гном.

Мы действительно дураки, каких мало. 20.08 — это не отправление. Это дата. А поезд ушел полчаса назад.

— Ну и чего делать? — спрашивает Леха.

Чего делать, тоже мне. Как маленький. Вроде понятно, что делать — идти домой. Почему нам никто не позвонил?! Я смотрю в свой телефон... ну... это... и Львович звонил, и Полина Иаковлева, и еще три человека. Восемь раз, просто у меня звук был выключен.

— Леха, подожди. Сейчас. Я сейчас соображу.

Леха просто молчит и ждет. А я соображаю, смотрю в телефоне карты и расписание. Как мы сможем их догнать? По-хорошему — конечно, завтра утром. Завтра утром приедем и догоним их. Но... вот...

— Леш, если мы сейчас сядем на электричку, и там смотри — вот автобус... видишь?

Лехино лицо светлеет. Ура! Мы их догоним, и еще — приключение! Ура!

Купили большую бутылку кока-колы, огромный пакет чипсов.

...И я почему-то думаю — хорошо, что так получилось. Что мы сейчас с Лехой поедем. Вдвоем.

И мы с ним так хорошо садимся в электричку. И так хорошо едем. То есть мы молчим — Леха смотрит в свой телефон, а я в свой. Но потом он решает купить мне мороженое. Он же джентльмен. Ну.

В общем, мы теперь все в этом дурацком мороженом, и Леха, и я, и его телефон.

Ну нет, Леха просто мой одноклассник, ничего такого — просто с ним хорошо можно смеяться, не интеллектуально, а так.

Ну вот, и мы даже вышли вовремя. И это было вроде бы совсем пустое место — платформа в лесу, на ней билетная будка, и всё. Но за будкой нашлась лестница и дорога. А на дороге сразу же нашлась автобусная остановка, искать не пришлось.

И через сорок минут будет автобус, и мы догоним наших!

Вот они удивятся!

...Но удивились мы. Потому что автобуса не было.

Я открыла телефон, посмотрела еще раз расписание. Должен быть! А нету.

И спросить не у кого, никого нет.

— Нормально вообще, — сказал Леха. И мы пошли обратно на станцию, спрашивать — там же была тетенька в билетной кассе. То есть только что была. И сейчас там уже «закрыто». Как она мимо нас прошла?

Темно совсем.

Делать-то что?

— Когда следующий? — спросил Леха.

Когда-когда. Завтра, в шесть утра. Ужас какой-то.

В общем, мы теперь уже никуда не торопимся. Я боюсь, что Леха скажет — надо было завтра ехать! Где мы теперь ночевать будем!

Но он ничего такого не говорит.

Становится холодно.

— Ну и чего нам делать? — все-таки спрашивает он.

— Ну, — отвечаю я и в это время думаю, что бы такое ему сказать после этого «ну». — Ну, у нас палатка есть.

Кстати, да. У нас есть палатка! И два спальника. Только... что, мы ее поставим прямо здесь? На автобусной остановке? Тут есть фонарь. А больше нигде нет.

Кажется, что маленький круг света есть только здесь, шагни наружу — и всё. Что всё? Да ничего, совсем ничего там нет. И холодно. И есть хочется.

Можно, конечно, поискать магазин. Но тут, похоже, магазины закрываются не то что в девять, а прямо в шесть. Даже, кажется, тут вообще никогда не было никаких магазинов.

Телефонный фонарик пытается пробить тьму там, за пределами круга.

— Леш, — говорю я, — выключи сеть, телефон посадишь.

Да, подзаряжать тут можно разве что силой мысли. Кажется, розеток еще не изобрели.

Леша послушно переводит телефон в самолетный режим. А потом мужественно шагает за пределы фонарного круга.

Мы проходим несколько шагов и осматриваемся. Он берет меня за руку, и я не понимаю — это он меня защищает или сам боится.

Мы делаем несколько шагов, и Леша летит в канаву, вернее, летел бы, если бы не моя рука.

Я даже удивляюсь, что смогла его удержать. Телефон упал, но фонарик не выключился — Леша поднимает его, светит себе в растерянное лицо.

— Значит, так, — говорю я. — Нам нужно место под палатку. И костер. Потому что холодно.

Костер? В городе? Хотя — если это город, то я баскетболист.

...Хотелось, конечно, найти такое идиллическое место. Чтобы сразу стало ясно — оно! Чтобы чистая такая полянка, и рядом елочка, и пахло хвоей и грибами, и рядом озеро. И луна. И гитара. Хм.

С озером, кажется, у нас могут быть проблемы. Про гитару даже не говорю.

Через полчаса топтания между железной дорогой и автобусной остановкой мы делаем решительный

шаг на ту сторону, за линию. И оказывается, что тут даже и неплохо. То есть тут как везде: деревья. Кажется, все это поселение осталось там, где остановка. А тут — лес. И звезды.

И — кострище. Почему-то, обнаружив кострище, мы сразу понимаем, что тут — можно. Если здесь уже кто-то жег костер, то это место стало разрешенным для костра, что ли.

— У тебя есть зажигалка? — спрашивает Леша.
Конечно есть.

Он хмыкает: давно куришь?

Ну-ну. Если у человека в кармане зажигалка, значит — курит. Если нож — значит, людей режет. Да?

Зажигалка — полезная вещь, ведь никогда не знаешь, когда понадобится огонь. Сейчас, например.

Костер, в общем, оказался неочевидным делом. Как-то Леха умудрился дорасти до своих без сколько-то там двух метров и ни разу не разжечь костер. А я пробовала раньше, но не сырым вечером, который скорее уже ночь.

И все-таки он зажегся. Маленький, и не веришь — это уже зажглось? Или... да! Горит!

И удивительным образом все переменялось, стало простым и нестрашным.

Чего такого? Переночуем в палатке, а завтра на автобус и к нашим. В палатке... ой. Это мы с Лехой сейчас в одной палатке будем спать, что ли?

Хотя — чего такого.

Да ничего такого и не было. Я думала, он меня что-то такое спросит. Скажет — никогда вот так не спал ни с кем в палатке. И я скажу — я тоже. А потом, когда мы слышали товарный поезд, я думала — скажу, что мне кажется, будто поезд прямо на нас едет. И он скажет — и мне тоже.

Но никто ничего такого не говорил. И я боялась, что мы проспим; но утром так начали орать птицы — прямо как сумасшедшие! — что мы не проспали. По крайней мере я.

Я вылезла из палатки — не хотелось, чтобы Леха видел меня с такой вот головой. И расческу не могла найти, и умыться негде. Но я все равно вылезла.

...И оказалось, что наш лес за линией — это совсем не лес, а узкая полоска. И прямо в ста метрах от нас — магазин «Продукты 24 часа».

Стало и смешно, и так... глупо... Молодцы мы, посреди города палатку поставили. А чего у них вывески не горят?!

В общем, завтракали мы уже безо всякого ко-стра — купили в этом магазине по круассану с сыром (круассан! Кто бы мог подумать вчера, что в нескольких шагах от нас существуют круассаны!) и бутылку воды. И лили друг другу на руки, и умывались — и вот это было смешно, Леха такой смешной, когда мокрый. Я, наверное, не лучше.

А продавщица даже не удивилась, когда мы потом вернулись с улицы такие мокрые и купили еще кофе в автомате. Может, у них в шесть утра тут все время такие ходят.

Круассан и кофе! Париж!

...Первый автобус мы все-таки пропустили, поехали на втором. И я спокойно положила Лехе голову на плечо, потому что ужасно хотелось спать. И потому что ничего такого, просто сосед. По палатке. И плечо у него костлявое.

И в общем, оказалось, что мы могли бы в Москве утром сесть на другой поезд и приехать в то же самое время.

Я позвонила нашим от станции и попросила прислать нам координаты, чтобы мы их нашли. А Львович сказал, что он нас сам встретит, потому что он за нас отвечает.

И мы его ждали еще два часа. А потом все было обычно, обычный поход.

И мы с Лехой, не договариваясь, никому ничего не сказали. Пусть все думают, что мы приехали утром. Объяснять им еще — как мы в одной палатке спали. И потом, чтобы Львович не переживал. Если он даже не уверен, что мы в состоянии от станции по навигатору до лагеря дойти.

А когда мы приехали в Москву и шли домой от Курского вокзала, Леха мне опять дал локоть — цепляйся.

— На буксир? — спросила я. И он сказал: не, причем тут буксир. Просто.

И я вдруг обнаружила, что не бегу за ним. Что мы идем в одном темпе, хотя его ноги по-прежнему в два раза длиннее моих.

ОБ АВТОРАХ

Богатырева Ирина Сергеевна родилась в 1982 году в Казани, выросла в Ульяновске, живет в Москве. Окончила Литературный институт им. М. Горького и магистратуру в Центре типологии и семиотики фольклора РГГУ. Член Союза писателей Москвы. Сочиняет прозу, любит путешествовать, увлекается музыкой (играет на варгане), профессионально изучает фольклор. «Фольклор — основа культуры», — утверждает Ирина и признается, что первый интерес к народному творчеству почувствовала, когда побывала на Алтае. Печатается в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов» и других. Автор книг для подростков и юношества: «АвтоSTOP», «Луноликой матери девы» (премия им. С. В. Михалкова), «Формула свободы» (специальный приз Премии им. В. П. Крапивина), «Я — сестра Тоторо» (премия «Книгуру»). Интерес к фольклору нашел яркое отражение в романах «Кадын» (премия «Студенческий Букер»), «Жити и нежити», «Белая Согра», «Ведяна», «Говорит Москва», выпущенных в серии «Этническое фэнтези». В обработке Ирины вышел сборник алтайских народных сказок «Рыжий пес», а совместно с Владимиром Марковым она написала книгу «Варган: самоучитель игры на нестарейшем инструменте».

Дашевская Нина Сергеевна родилась в 1979 году в Твери, живет в Москве. По окончании Московской консерватории работала в Государственном камерном оркестре России, затем — в оркестре Детского музыкального театра им. Н. И. Сац. Играет на скрипке, пишет для детей и подростков. Печатается с 2009 года. Неоднократно побеждала на всевозможных литературных конкурсах («Книгуру», «Новая детская книга», Премия им. В. П. Крапивина), по праву став одним из лидеров современной подростковой прозы. Сюжеты и герои ее произведений почти всегда так

или иначе связаны с музыкой: сборники рассказов «Около музыки» и «Второй», повести «Скрипка неизвестного мастера», «Я не тормоз», «День числа Пи», познавательная «музыкальная история» «Вивальди. Времена года». *«...У меня нет цели писать именно о музыке, — говорит Нина, — просто это привычный для меня окружающий мир»*. В лирические и романтические тона окрашены ее сказочные повести «Вилли» и «Тео — театральный капитан»; последняя в 2020 году принесла писательнице почетный диплом им. Х. К. Андерсена Международного совета по детской книге (IBBY). Тонким психологизмом, острым чувством современности отмечена книга-перевертыш «Тимофей: блокнот. Ирка: скетчбук», состоящая из двух связанных между собой историй.

Исаева Екатерина Викторовна родилась в 1980 году в Ленинграде (ныне — Санкт-Петербург). По профессии — библиотекарь-библиограф. Изучала шведский язык, затем многие годы преподавала его в школах и на курсах. В юности писала стихи, посещала литературный клуб «Приневье» при Санкт-Петербургском отделении Союза писателей. Стихи печатались в альманахе «Молодой Петербург» (под девичьей фамилией Чебаевская). После перерыва обратилась к прозе для детей, пишет рассказы и сказки. Работает в детской библиотеке, где вместе с детьми выпускает собственный журнал. В 2019 году участвовала в фестивале «Как хорошо уметь писать!..», преемнике знаменитого форума «Молодые писатели вокруг „ДЕТГИЗа“»; по итогам фестиваля в сборнике «Как хорошо!» опубликована ее сказка «Когда Дед Мороз был маленьким». В 2020-м принимала участие в фестивале короткого рассказа «Кора» и снова была приглашена на очередной писательский слет «Как хорошо уметь писать!..».

Ключарева Наталья Львовна родилась в 1981 году в Перми, живет в Ярославле. Окончила филологический факультет Ярославского педагогического университета. Выступает как поэт, прозаик,

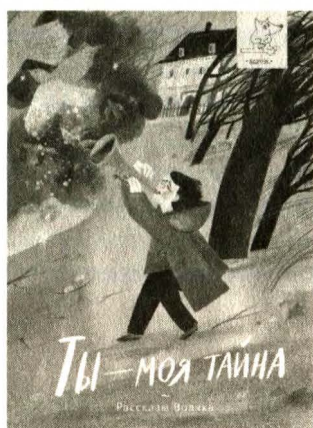
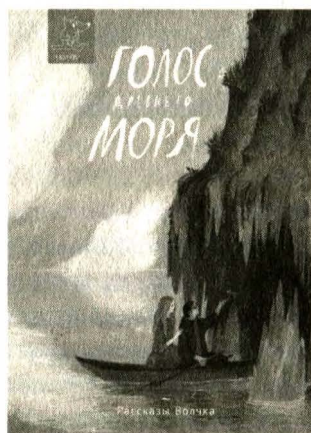
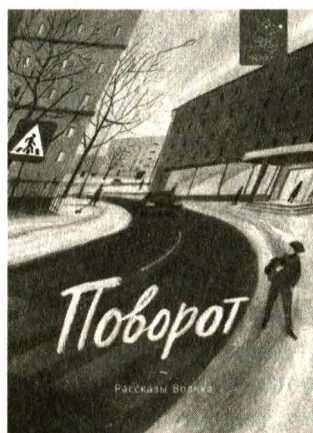
переводчик, журналист и редактор. Работала на телевидении, публиковала статьи в периодике. Пишет как для детей, так и для взрослых. Автор поэтических сборников «Белые пионеры», «Дыши, дыши», остросоциальной прозы «Россия: общий вагон», «SOS!», «Время — настоящее», романа о любви «Счастье». В 2007 году ее рассказ «Один год в Раю», опубликованный в журнале «Новый мир», был удостоен Премии им. Юрия Казакова. Наталья признается: *«Я люблю рассказы и вообще короткие формы за их предельную концентрированность, сжатость»*. По ее повести «Деревня дураков» в 2014-м поставлен одноименный спектакль в МХТ им. А. П. Чехова. Среди книг, обращенных к детям и подросткам: философская сказка «Король улиток», книга стихов «КенгурУтро», повесть «В Африку, куда же еще?», познавательный биографический очерк «Чехов», путеводители по Ярославской области, Белгороду, Туле.

Овчинникова *Евгения Сергеевна* родилась в 1983 году в Уссурийске, выросла в Кокшетау (Казахстан), живет в Санкт-Петербурге. С детства любила читать, но писателем становиться не собиралась. Училась на экономическом факультете Дальневосточного государственного технического университета, по окончании которого основала собственную IT-компанию. В 2012 году — по словам Евгении, *«из любопытства»* — поступила в Литературную мастерскую Андрея Аствацатурова и Дмитрия Орехова. Как прозаик дебютировала в 2016-м — первые же ее рассказы, впоследствии составившие сборник «Мортал комбат и другие 90-е», дошли до финала Всероссийского конкурса «Книгуру»; в коротких списках этого конкурса произведения Овчинниковой оказывались еще дважды. *«Я работаю в жанре детективного триллера, реализма и мистики, — говорит Евгения, — но в каком бы жанре ни был роман, повесть или рассказ, мои истории прежде всего о людях»*. Такова ее остросюжетная трилогия «Иди и возвращайся», в которую, помимо первой части

с одноименным названием, входят также «Магия Зеро» и «Обычные люди».

Сиротин Дмитрий Александрович родился в 1977 году в Воркуте, живет в Москве. Выпускник филологического факультета Коми государственного педагогического института. Работал в Коми государственном театре кукол, театре-студии «Трям», инсценировал северные народные сказки, сочинял песни к спектаклям, был методистом при управлении культуры, педагогом дополнительного образования. Получил известность как автор остроумных парадоксальных стихов для детей и родителей. «...Пишу в основном юмористические стихи, — говорит Дмитрий. — И они часто, что называется, двухадресные». Печатался в журналах «Кукумбер», «Чиж и Еж», «Мурзилка», «Простоквашино», «Костер», «Урал», «Октябрь», антологиях и коллективных сборниках. Участвовал в Форумах молодых писателей в Липках, фестивале «Молодые писатели вокруг „ДЕТГИЗА“», различных литературных конкурсах. Автор книг «Поучительные истории», «Азбука в картинках», «Приходите к Зайцу в гости», «Почему у кита нет ушей?», «Кто живет в холодильнике?», «Тень гонялась за котом», «СТИКОТворения» и других. Выступает в прозаических жанрах: пишет сказки для детей, рассказы и повести для подростков. В 2020 году его сказочная повесть «Королевство имени бабушки» вошла в шорт-лист конкурса «Новая детская книга», а изданная «Волчком» повесть для старшеклассников «Родинка на щеке» упомянута в ряду финалистов Всероссийского конкурса «Книгуру».

Алексей Копейкин

О серии «Рассказы Волчка»

Любите ли вы читать рассказы? Мы — да. Потому что в рассказе на виду каждая деталь, в нем нет места пустословию, невыразительным героям, сюжетным промахам. Это жанр стремительный, динамичный, и тем удивительнее, что он немного затерялся сегодня среди повестей и романов.

Именно поэтому мы придумали серию «Рассказы Волчка». Здесь собраны лучшие образцы жанра, созданные современными писателями.

Наша серия открылась и продолжается сборниками рассказов современных писателей, пишущих для младших и средних подростков. Здесь каждый читатель сможет найти свою историю и своего автора.

Сборники «Внутри что-то есть», «Письмо с подснежником», «Ты — моя тайна» и «Чертополох у воды» предназначены читателям от 10 лет. В них вошли веселые и лиричные рассказы Евгении Басовой, Марии Ботевой, Дарьи Варденбург, Нины Дашевской, Александра Дорофеева, Дарьи Доцук, Натальи Евдокимовой, Ирины Зартайской, Анны Игнатовой, Екатерины Исаевой, Аси Кравченко, Кирилла Красника, Юлии Кузнецовой, Елены Ленковской, Алексея Лукьянова, Бориса Минаева, Юрия Никитинского, Михаила Пегова, Ларисы Романовской, Ольги Сазоновой, Юлии Симбирской, Егора Фетисова и Ольги Фикс.

Сборники «Поворот», «Голос древнего моря» и «Чуть правее сердца» мы рекомендуем читателям от 12 лет. Герои там взрослее, а жизненные ситуации, в которых они оказываются, — драматичнее. Это серьезная подростковая проза, созданная Ириной Богатыревой, Эдуардом Веркиным, Дарьей Вильке, Наталией Волковой, Станиславом Востоковым, Ниной Дашевской, Александром Дорофеевым, Ксенией Драгунской, Александрой Зайцевой, Марией Иониной, Яной Летт, Артемом Ляховичем, Николаем Назаркиным, Диной Неверовой, Евгенией Перловой, Дмитрием Сиротиным, Кристиной Стрельниковой и Марией Ушениной.

Литературно-художественное издание
Серия «Рассказы Волчка»

Для детей среднего школьного возраста

НИКОМУ НЕ РАССКАЗЫВАЙ

~

Сборник рассказов

*Богатырева Ирина Сергеевна, Дашевская Нина Сергеевна,
Исаева Екатерина Викторовна и др.*

~

Выпускающий редактор *Николай Джумакулиев*

Корректоры *Ольга Левина, Надежда Власенко*

Иллюстрация на обложке *Эи Мордяковой*

Художественный редактор *Екатерина Казейкина*

Руководитель издательства *Николай Джумакулиев*

Дорогие читатели!

Присылайте отзывы

об этой книге по адресу: hello.volchok@gmail.com

По вопросам приобретения

книг издательства

обращайтесь в ТФ «Лабиринт»: тел. +7 (495) 780 00 98

www.labirint.org

Заказ книг

в интернет-магазине: www.labirint.ru

~

Подписано в печать 30.12.2020. Формат 60х84/16.

Бумага Classic. Гарнитуры PT Serif, PT Sans.

Печать офсетная.

Тираж 7000 экз. Заказ № 2014140.

ООО «Издательство Волчок».

115419, г. Москва, 2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4, офис 405.

Дата изготовления 01.02.2021.

Произведено в Российской Федерации.

Срок годности не ограничен.

arvato
BERTELSMANN
Supply Chain Solutions

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

